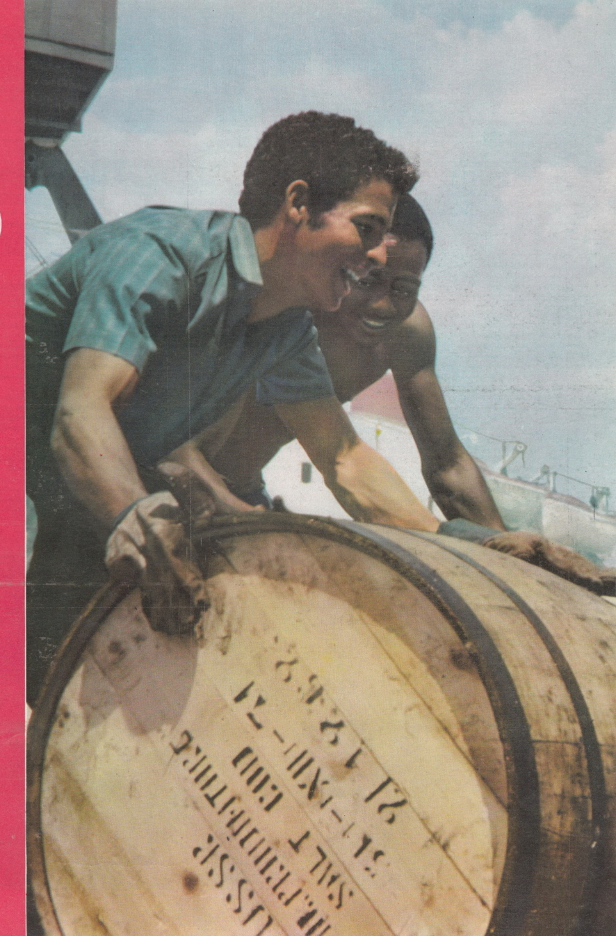
Ровесник

9

1976

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Сентябрь, 1976 год, № 9

На первой странице обложки: Куба, в Гаванском порту обычный трудовой день. Идет разгрузка судов, прибывших из Советского Союза.
Фото Л. Шерстенникова

ЛУИС КОРВАЛАН: «...НО НЕ БОЮСЬ СМЕРТИ»
и
другие материалы о положении в Чили и борьбе патриотов этой страны.

КИТО. Студенты Центрального университета Эквадора потребовали осуществления полного государственного контроля над нефтяной промышленностью страны, находящейся в руках американской компании «Тексако-Галф». На состоявшейся здесь встрече представителей университета с министром природных ресурсов и энергетики Эквадора отмечалась необходимость эксплуатации природных богатств в интересах всего эквадорского народа.

Студенты выступили за создание национального фронта защиты природных ресурсов, в который должны войти представители демократических и прогрессивных организаций Эквадора.

БОСТОН. После некоторого затишья здесь вспыхнули с новой силой расовые беспорядки, связанные с попытками введения десегрегации в школах. Сигналом послужила расправа с негритянским адвокатом Теодором Ландсмарком. Расисты схватили его на улице и пытались пронзить металлическим древком, на котором развевался американский флаг. За этим инцидентом последовали и другие. Чтобы охладить накалившиеся страсти, мэр города Бостона Кельвин Уайт и губернатор штата Массачусетс М. Дукакис решили организовать в центре города «поход против насилия».

На снимке: побоище, затеянное расистами Бостона.

СЕУЛ. Марионеточное правительство президента Пак Чжон Хи настояло на увольнении или отставке более чем 400 преподавателей университетов.

Официально эти увольнения, произведенные на основании нового закона о преподавательской деятельности в высших учебных заведениях, вызваны необходимостью убрать «бездельничающих» и «некомпетентных» преподавателей из южнокорейских университетов.

Однако, по мнению широких университетских кругов, эти увольнения представляют собой еще один шаг в попытках правительства Пак Чжон Хи пресечь всякие контакты между 220 тысячами южнокорейских студентов и противниками режима.

ПРОСТЕЁВ. В этом словацком городе состоялся фестиваль самодеятельных театральных коллективов. Первый приз жюри присудило польскому самодеятельному театру «Форум» за спектакль «1044 сражения Чили», созданный совместно польскими и советскими авторами по стихам Пабло Неруды. Этот театр, труппа которого состоит в основном из молодых рабочих, был организован режиссером Михаилом Сташкевичем восемь лет назад. За это время коллектив поставил 25 спектаклей, более 500 раз выступил перед публикой

На снимке: выступает молодежный театр «Форум».

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

САН-ХОСЕ. Как заявил министр здравоохранения Коста-Рики, в стране 57 процентов детей в большей или меньшей степени страдают от хронического недоедания. Министр указал, что недостаток питания является одной из самых серьезных проблем. «Результатом этого может явиться то, — сказал он, — что большинство наших молодых людей будет иметь не только физические, но и умственные недостатки».

РИМ. Здесь опубликовано социологическое исследование, посвященное итальянской молодежи. Его авторы, группа социологов из центра по исследованию социальных проблем, пришли к заключению, что Италия переживает весьма трудные времена.

«Армия интеллигентов-безработных огромна... Это потерявшие всякую надежду люди, самые измученные, самые разочарованные. И самые опасные». Так характеризует эту молодежь итальянский журнал «Эспрессо».

На примере безработных специалистов с высшим образованием, пишет журнал, мы видим, как рушатся мифы, пущенные в оборот апологетами «индустриального общества». «Общее» образование, показная демократизация высших учебных заведений на деле оказываются большим обманом. Что толку в высшем образовании, если в 1978 году из каждых трех молодых специалистов работу получит только один. Молодежная проблема, продолжает журнал, — это сегодня проблема номер один.

ПАРИЖ. В столице Франции состоялась первая конференция молодежных комитетов по борьбе с безработицей, недавно организованных по всей стране; во время ее работы делегаты от 600 таких комитетов обсудили вопросы улучшения положения молодежи, ее борьбы за право на труд. Отмечается, что безработица больнее всего бьет по выпускникам учебных заведений. 700 тысяч молодых людей не могут найти своего первого рабочего места. Даже диплом о высшем образовании не дает никаких гарантий — 100 тысяч молодых специалистов, окончивших университеты страны, не могут найти себе применения. Для того чтобы эта значительная часть молодежи, не накопившая еще опыта борьбы за свои права, не оставалась изолированной от организованной общей борьбы рабочих и могла правильно ориентироваться в политической и экономической ситуации, и созданы молодежные комитеты.

ЗОЛИНГЕН. В городе Золингене (Рейнско-Вестфальский промышленный район ФРГ) более 5 тысяч молодых рабочих, учащихся и студентов провели демонстрацию протеста против безработицы, растущей среди молодежи. Это была одна из многих демонстраций, организованных Германской коммунистической партией в различных промышленных центрах страны во время недели борьбы, приуроченной к съезду ГКП, который состоялся весной в Бонне.

На снимке: молодежная демонстрация в Золингене.

ТАНАНАРИВЕ. Перестройка системы образования в соответствии с принципами Хартии малагасийской социалистической революции — такова тема семинара, открывшегося в столице республики. Выступивший на нем министр национального просвещения Жюстен Ракутуниаина подчеркнул, что реформа образования тесно связана с проведением в стране коренных социально-экономических преобразований, окончательной ликвидацией пережитков колониального прошлого.

Наша задача сегодня состоит в том, чтобы, покончив со всеми видами эксплуатации, поставить образование на службу народу, сказал постоянный политический комиссар при Верховном революционном совете республики Шарль Равуадзанахари. Он отметил большое значение школы в формировании социалистического мировоззрения у подрастающего поколения страны.

БРАЗИЛИА. Бразильская система начального образования переживает острый кризис. 23 миллиона школьников обучаются в школах, помещения которых не отвечают элементарным требованиям гигиены. Как указывает газета «Глобу», такие школы составляют около половины из существующих в стране 207 тысяч начальных школ.

Каждый третий из 958 тысяч учителей не имеет педагогического образования.

АФИНЫ. С большим успехом прошла в Греции выставка «Советская молодежь», организованная в соответствии с соглашением между Комитетом молодежных организаций СССР и молодежными организациями Греции.

Десятки тысяч жителей греческой столицы посетили экспозицию, показывающую сегодняшний день советской молодежи. Разнообразные по жанру и манере исполнения экспонаты выставки знакомили греческую общественность с трудом, учебой и отдыхом молодежи Страны Советов, ее участием в управлении государством. Работы молодых советских фотомастеров, детские рисунки, произведения молодых графиков вызывали живой интерес посетителей.

Среди гостей выставки можно было встретить людей самых различных специальностей и политических взглядов, но основную массу посетителей, естественно, составляла молодежь.

«Приезжайте к нам чаще, мы хотим больше знать о вас» — эти строки в числе многих других написаны посетителями в книге отзывов.

На снимке: в залах выставки «Советская молодежь».

ГАВАНА ПРИГЛАШАЕТ XI ФЕСТИВАЛЬ

ПРИЗЫВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА XI ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ ● РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ ПОДГОТОВКА К ФЕСТИВАЛЮ ● НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — ОБРАЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ФЕСТИВАЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ ● СОЗДАЕТСЯ ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ФОНД СОЛИДАРНОСТИ ● ЛОЗУНГ ФЕСТИВАЛЯ — «ЗА АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ СОЛИДАРНОСТЬ, МИР И ДРУЖБУ!»

В Гаване состоялось II заседание Международного подготовительного комитета Всемирного фестиваля молодежи и студентов, на котором был принят политический призыв.

«Молодежь и студенты мира!

XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов состоится летом 1978 года в Гаване, столице Республики Куба — первой социалистической страны в западном полушарии». Так начинается призыв.

114 делегаций, участвовавших в заседании МПК, приветствовали предложение Союза молодых коммунистов, Университетской студенческой федерации и Федерации учащихся средних учебных заведений, всех общественных организаций Кубы предоставить их столицу Гавану для проведения XI фестиваля и выразили свою признательность им и кубинскому народу, который на протяжении более 17 лет строит новое общество, проявляя образцы героизма.

Период, прошедший после X фестиваля, говорится далее в призыве, характеризуется дальнейшим подъемом борьбы, которую молодежь и студенты ведут вместе с народами своих стран против империализма и реакции, за обеспечение прочного мира во всем мире, свободы, независимости, прогресса и лучшего будущего для всего человечества. В документе МПК дан анализ позитивных изменений, происшедших за этот период на международной арене, перехода от «холодной войны» к разрядке напряженности. В частности, подчеркнуто значение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

«Мы призываем, — говорится в документе МПК, — превратить XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в самый широкий международный форум молодежи, на который независимо от своих политических, философских и религиозных убеждений соберутся представители различных молодежных и студенческих организаций на основе принципов антиимпериалистической солидарности, мира и дружбы».

Подготовка и проведение XI фестиваля должны способствовать:

— дальнейшему последовательному развитию широких совместных действий различных слоев молодежи и студенчества, выступающих вместе с демократическими и прогрессивными силами за мир и безопасность народов, за углубление и необратимость международной разрядки, за ее дальнейшее распространение, за все более широкое утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, в поддержку требований ограничения гонки вооружений и принятия действенных мер для дополнения политической разрядки военной, для достижения всеобщего и полного разоружения;

и прогрессивного молодежного и студенческого движения с кубинской революцией в ее борьбе за полную и окончательную ликвидацию несправедливой и преступной блокады, навязанной кубинскому народу американским империализмом;

— выражению солидарности молодежи мира с народами стран Латинской Америки и Карибского бассейна, борющимися против империалистического гнета, реакционных и фашистских режимов, национальных олигархий, за национальную независимость и прогрессивные социально-экономические преобразования;

— проявлению солидарности с народами и молодежью стран Азии, которые борются против империализма, за прочный мир и безопасность на континенте, за независимое развитие по пути социального прогресса; с корейским народом, ведущим борьбу за мирное и независимое объединение родины;

— выражению самой твердой поддержки народам и молодежи стран Африки в их борьбе против империалистической эксплуатации, неоколониализма, расизма и апартеида, за независимость и национальное развитие;

— демонстрации солидарности с народами, молодежью и студенчеством развивающихся стран, ведущими борьбу против империалистического экономического угнетения и политики разграбления природных ресурсов, за установление новой, более справедливой и равноправной системы международных экономических отношений;

— усилению солидарности с борьбой молодежи и студентов капиталистических стран против власти монополий и эксплуатации, за свои права и социальный прогресс, за глубокие демократические преобразования, за мир;

— новому подъему солидарности с молодежью социалистических стран, которая вносит значительный вклад в строительство нового общества, в борьбу народов за независимость и свободу, за упрочение всеобщего мира и международной безопасности...

«Мы обращаемся ко всем молодежным, студенческим, детским, политическим, профсоюзным, культурным и другим организациям, поддерживающим этот призыв, с предложением развернуть активную подготовку к XI Всемирному фестивалю и создавать с учетом национальных возможностей самые широкие национальные подготовительные комитеты с участием в них сил, которые разделяют цели фестиваля и готовы сотрудничать во имя обеспечения успеха этого важнейшего международного мероприятия молодежи и студенчества всего мира...

Мы призываем создать в каждой стране и в международном масштабе Фонд солидарности, в который молодежь и студенты, участвующие в различных мероприятиях национальных подготовительных комитетов, смогут внести свой конкретный материальный вклад.

Продолжим и развернем еще шире всемирное фестивальное движение, обеспечим успех XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

Красавица Гавана, город будущего Всемирного фестиваля, и юные хозяева Гаваны (запечатленные фотокорреспондентом Л. Шерстенниковым). Они примут в 1978 году посланцев молодежи и студенчества всего мира.

— развитию совместных действий различных политических сил европейского молодежного движения в борьбе за упрочение мира, взаимопонимания и сотрудничества между народами континента, за проведение в жизнь принципов и договоренностей, выработанных общеевропейским совещанием государств, за расширение совместных действий молодежи капиталистических стран в борьбе за свои демократические права и требования, за социальный прогресс;

— подтверждению единодушного стремления прогрессивной молодежи и студенчества и впредь оказывать самую широкую поддержку народам Вьетнама, Лаоса и Кампучии в их борьбе за ликвидацию последствий империалистической агрессии, за продвижение вперед дела национального восстановления;

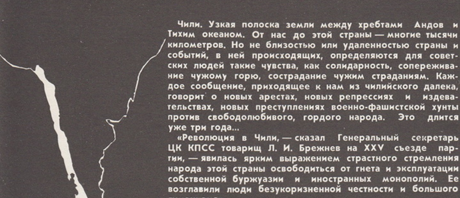
— проявлению самой широкой солидарности с народом, молодежью и студентами Чили, со всеми чилийскими демократами и патриотами, которые в трудных условиях ведут героическую борьбу за свободу и демократию;

— оказанию твердой и решительной поддержки молодой Народной Республике Анголе, которая под руководством МПЛА борется против агрессивного вторжения империализма и его расистских южноафриканских пособников, за укрепление независимости и прогресс своего народа;

— подтверждению солидарности с борьбой арабских народов, в особенности арабского народа Палестины, за обеспечение своих законных прав, за достижение справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке;

— усилению солидарности международного демократического

Чили. Узкая полоска земли между хребтами Андов и Тихим океаном. От нас до этой страны — многие тысячи километров. Но не близостью или удаленностью страны и событий, в ней происходящих, определяются для советских людей такие чувства, как солидарность, сопереживание чужому горю, сострадание чужим страданиям. Каждое сообщение, приходящее к нам из чилийского далека, говорит о новых арестах, новых репрессиях и издевательствах, новых преступлениях военно-фашистской хунты против свободолюбивого, гордого народа. Это длится уже три года...

«Революция в Чили, — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде партии, — явилась ярким выражением страстного стремления народа этой страны освободиться от гнета и эксплуатации собственной буржуазии и иностранных монополий. Ее возглавили люди безукоризненной честности и большого гуманизма».

Чилийской трагедии три года... Ровно столько — три года — и чилийской надежде, чилийской борьбе за будущую победу над фашизмом.

„...НО НЕ БОЮСЬ СМЕРТИ"

14 сентября коммунисту и патриоту своей страны товарищу Луису Корвалану исполняется 60 лет.

Ваши письма, дорогие читатели, ваш постоянный интерес к судьбе и борьбе народа Чили, ваша тревога за здоровье товарища Корвалана, ваше восхищение его мужеством и стойкостью дают нам право от имени редакции и вашего, читатель, имени передать этому прекрасному человеку и истинному борцу в день его юбилея пожелания долгих лет жизни и победы в неравном сражении.

Публикуемые ниже отрывки взяты из интервью, которые Луис Корвалан дал в последние годы корреспондентам иностранной печати.

В октябре 1973 года корреспондент итальянского радио и телевидения Франко Катуччи взял интервью у Луиса Корвалана в военном училище в Сантьяго, куда его поместили после ареста, 27 сентября. Интервью было напечатано 11 октября 1973 года в Риме газетой итальянских коммунистов «Унита».

Корвалан. Меня схватили в четверг, 27 сентября, и поместили в туалетную комнату размером в четверть квадратного метра. Теперь в этой камере я хотя бы могу ходить. Физическим пыткам меня не подвергали, но оказывали моральное давление. Пища плохая, но думаю, что она для всех одинаковая, включая персонал. Навещать меня не разрешают. Мне известно, что приходила моя жена, приносила кое-что из одежды, но мне не позволили увидеться с нею. Я могу курить, но мне не дают читать.

Корреспондент. Знаете ли вы, что вас ждет?

Корвалан. Нет, не знаю. Два дня назад один офицер показал мне газету, где говорилось, что меня обвиняют в «тяжком преступлении». Это смехотворно. Мы, чилийские коммунисты, всегда боролись за

Отрывки из книги «Голос коммунистов звучит из Чили». Сборник интервью и заявлений Л. Корвалана, воззваний и листовок Коммунистической партии Чили, статей из подпольной газеты чилийских коммунистов «Унидад антифасиста». Буэнос-Айрес, издательство «Коло-Коло», 1976.

прогресс и независимость нашей страны, за освобождение трудящихся.

Корреспондент. Утверждают, что у левых был план обезглавить вооруженные силы, убить политических лидеров — противников правительства Народного единства...

Корвалан. Это абсурдное обвинение. Одна из тех глупых провокаций, к которым, как известно из истории классовой борьбы, прибегают для подавления народных сил. Во время пребывания Альенде у власти в правительстве Народного единства никогда не обсуждался такой чудовищный и преступный план.

Корреспондент. Не думаете ли вы, что какое-то другое крыло чилийских левых могло подготовить подобный план?

Корвалан. Я отвечаю за свою партию. Никто из нас, и думаю, что никто из Народного единства не замышлял такого плана...

Корреспондент. Каковы будут последствия свержения правительства Народного единства для марксистов Латинской Америки?

Корвалан. Марксизм никогда не будет уничтожен, поскольку нельзя уничтожить идеологию, отвечающую требованиям эпохи и коренным интересам большинства общества.

Корреспондент. Выскажутся ли теперь марксистские партии в пользу вооруженной борьбы?

Корвалан. Сейчас еще нельзя сказать, какие действия будут предприняты. Могу только сказать, что мы не метнемся в сторону терроризма, поскольку считаем неизменной нашу политику мобилизации масс на борьбу, формирования и развития их самосознания с целью изменить ситуацию. Мы абсолютно против тактики террора. Поэтому тем более абсурдно выглядит подрывной план, который нам приписывают. Мое кредо ясно. Я люблю свободу, но не боюсь тюрьмы. Я люблю жизнь, но не боюсь смерти.

В начале 1974 года журналисту Антонио Алберто Прадо из бразильского журнала «Визао» разрешили посетить концентрационный лагерь на острове Досон, на крайнем юге Чили, и беседовать с некоторыми из заточенных там политических узников. Корреспондент взял у Луиса Корвалана интервью, которое было опубликовано в «Визао» 21 февраля 1974 года.

«Визао». Известно ли вам, что в разных странах мира общественность развернула мощную кампанию за спасение вашей жизни?

Корвалан. Нет. Мы здесь не получаем новостей. Но то, что вы говорите, меня вовсе не удивляет. Интернациональная солидарность всегда была традицией коммунистов. И не только коммунистов. Честные либералы во всем мире испытывают глубокое уважение к чувству человеческой солидарности. Например, президент Линкольн приветствовал создание I Коммунистического Интернационала как проявление солидарности пролетариев.

«Визао». Правда ли, что вашу семью подвергали насилию, с тем чтобы вынудить вас сдаться полиции?

Корвалан. У меня нет никаких сведений на этот счет. Мы отрезаны от внешнего мира. У нас нет коротковолнового приемника, нам разрешают слушать лишь крохотный транзистор, который с трудом ловит Пунта-Аренас (город на юге Чили. — *Ред.*). Газеты, журналы и даже наша личная корреспонденция поступают к нам после строжайшей цензуры. Но я не думаю, чтобы мою семью использовали как средство давления с целью вынудить меня сдаться полиции. Судите сами, любой такой шантаж был бы бесполезен хотя бы потому, что туда, где я скрывался, не доходила никакая информация подобного рода. Напротив, насколько мне известно, с моей женой все в порядке. Но мой сын заключен в Чакабуко (один из концлагерей для политических узников, устроенный на заброшенных селитряных рудниках на севере Чили. — *Прим. перев.*). Он агроном. Его подвергли пыткам только за то, что он мой сын (в октябре 1975 года Луиса-младшего не стало: он умер в Софии от разрыва сердца. — *Прим. перев.*). Хочу уточнить, что меня схватили 27 сентября. Я вовсе не сдавался сам агентам полиции. Меня обнаружили и задержали в одном из домов Сантьяго, где я прятался. Повторяю, что я не сдавался сам. Меня разыскали.

«Визао». Какие обвинения предъявляет вам хунта?

Корвалан. Я не знаю, какие против меня могут быть выдвинуты обвинения. Но недавно здесь, на острове, был один сеньор, расследующий налоговые нарушения, которые, видимо, мне и хотят приписать. Однако им никогда не удастся сформулировать сколько-нибудь серьезного обвинения. Мы всегда строго соблюдали конституцию. Не мы ее предали.

«Визао». Знаете ли вы, что после переворота коммунистическая партия смогла сохранить почти неприкосновенной свою базу в стране?

Корвалан. Я не располагаю информацией о том, что произошло с политическими партиями. Я полностью изолирован. Но эти господа ошибаются, если думают, что им удастся покончить с марксизмом. Идеологию коммунизма невозможно уничтожить. И это подтверждалось всякий раз, когда враги трудящихся, предатели народа пытались задушить марксизм. Это будет доказано еще множество раз.

«Визао». Вы когда-либо предупреждали президента Альенде о возможности переворота?

Корвалан. Да, мы его предупреждали.

«Визао». Были ли коммунисты готовы к перевороту?

Корвалан. Коммунисты были подготовлены идеологически, но не в военном отношении.

«Визао». Учитывая сложившуюся обстановку, как, вы считаете, будут развиваться события дальше?

Корвалан. Я думаю, что все это носит временный характер. Заблуждаются те, кто думает, будто это будет сохраняться неопределенно долго. Я твердо убежден, что мы выйдем из этого темного туннеля, восстановим нашу свободу, и трудящиеся наконец смогут занять в истории то место, которое им принадлежит.

«Визао». После 11 сентября вам когда-либо угрожали смертью?

Корвалан. Я не боюсь за себя... Если нужно погибнуть во имя нашего общего дела. Когда меня держали под арестом в военном училище в Сантьяго, в течение пяти дней я находился в строгой изоляции. Меня обвиняли в «тяжком преступлении». И курсанты мне угрожали. Говорили, что меня казнят. Но я это не особенно принимал всерьез.

В июле 1974 года Комиссия по правам человека Организации американских государств направила в Чили официальную делегацию, состоящую из юристов, с целью выяснить положение политических заключенных в тюрьмах и концлагерях и подтвердить многочисленные обвинения хунте, касающиеся нарушений прав человека. Прежде чем представить от имени делегации официальный доклад, ее руководитель, уругвайский юрист Хустино Хименес де Аречага, рассказал на пресс-конференции об увиденном в Чили, а также огласил высказывания Луиса Корвалана, сделанные им в присутствии тюремщиков-военных во время встречи представителей комиссии с узниками концлагеря Ритоке. Выходящая в Мехико газета «Эксельсиор» 6 августа 1974 года опубликовала следующие высказывания Л. Корвалана.

«На Досоне — этом острове в Магеллановом проливе, где холода достигают 15 градусов ниже нуля и дуют ветры скоростью до 100 километров в час, повседневной нормой были оскорбления и наказания. Кормили из рук вон плохо. С помощью всяческих издевательств военные пытались сломить нас морально и физически.

На Досоне нас заставляли подниматься в шесть утра и выполнять каторжные работы. Мы рубили деревья в лесу и делали столбы для заграждений из колючей проволоки, посыпали дорожки щебнем, который собирали в окрестностях лагеря. Мы должны были очищать от тины сточные канавы, кишащие крысами. Из этих же канав приходилось брать воду для мытья котелков и мисок. Эту же сточную воду мы по два часа кипятили, чтобы приготовить потом похлебку. Для нас это был единственный источник пресной воды.

Некоторые узники во время принудительных работ получили травмы, и ссадины вскоре стали гноиться, поскольку никаких лекарств нам не давали...

Охрана изобрела множество способов издеваться над нами. Некоторые капралы и сержанты заставляли нас пользоваться нужником только в определенные часы, при открытой настежь дощатой двери и под дулом автомата. Каждый раз, когда кто-то из нас мешкал с выполнением приказа построиться, сделать шаг вперед или маршировать, его в порядке наказания заставляли по пятьдесят или больше раз выполнять упражнение «акула» [1], причем иногда в грязи, под дождем. Некоторых на несколько дней сажали в карцер.

Каждую ночь нас в разное время без всякого повода будили охранники и заставляли строиться перед нарами. И это после каторжных работ с шести утра до шести вечера. Был там один охранник-психопат, которому доставляло удовольствие тыкать в нас дулом автомата и целиться в нас, «чтобы попугать». И мы, естественно, опасались, что автомат случайно выстрелит и это может стоить жизни кому-то из нас. И он действительно иногда стрелял, но, к счастью, мимо.

Однажды в первых числах мая нам велели собрать самое необходимое из одежды и туалетных принадлежностей — нас собирались переводить в другое место. Переход через остров к Баия-Лоас, откуда нас отправили в Пунта-Аренас, мы проделали полураздетыми и босыми. Держа над головой пожитки, пересекали вброд реки и ручьи. Одному нашему товарищу, журналисту Адольфо Сильве, пришлось помочь одолеть этот страшный поход, так как у него был серьезно поврежден позвоночник. Наконец нас посадили на катер и до-

---

[1] *Принятое в чилийской армии трудное физическое упражнение для новобранцев. — Ред.*

ставили на военно-воздушную базу в Пунта-Аренасе. В наручниках и с кляпами во рту мы поднялись в самолет чилийских ВВС. Так закончился для нас ад Досона».

Комиссия по правам человека Организации американских государств опубликовала 21 ноября 1974 года обширный доклад по Чили, содержащий доказательства того, что фашистская хунта нарушала и продолжает самым жестоким образом нарушать права человека. Доклад включает приведенные ниже слова Луиса Корвалана.

«На вчерашней встрече перед тем, как мы ушли обедать, уважаемый руководитель делегации спросил, нельзя ли привести конкретные имена тех, кто подвергает узников пыткам. Уже названы некоторые имена, и было также разъяснено, что всех назвать невозможно, так как многим заключенным во время пыток завязывали глаза.

Но я хочу добавить, что несколько недель назад нынешнее правительство публично отрицало применение пыток, заявив, что пытки не согласуются с его образом мышления и действий и что если они где-то и применялись, то ответственность за это лежит на отдельных функционерах. Это не так. Ответственность несет правительство и в первую очередь генерал Пиночет.

Существует целая система, да, именно система. И пытки продолжаются, что засвидетельствовали товарищи, которых еще восемь дней назад содержали в академии военно-воздушных сил Чили.

Могут сказать, что все это неизбежное зло, что это было необходимо сделать, учитывая ситуацию, в которой оказалась страна. Именно так и изображает дело правительство. Оно утверждает, что у нас был некий «план Зет», ставивший целью обезглавить вооруженные силы, ликвидировать офицерство. Это абсолютная ложь. Такого плана не было.

Более того, в интервью журналу «Эрсилья» — с содержанием этого номера за первую или вторую неделю марта мы смогли познакомиться благодаря радиопередаче, это было еще до того, как нас лишили права слушать радио, — в интервью «Эрсилье» генерал Пиночет заявил, что еще в мае 1972 года группа высших офицеров вооруженных сил пришла к выводу, что решение чилийских проблем может быть только одно — военное. Получается, что переворот готовили заранее, и все утверждения хунты, которые она наверняка адресовала и членам Комиссии по правам человека, утверждения о том, что прежнее правительство нарушало конституцию, законы страны, — все это до конца лживо.

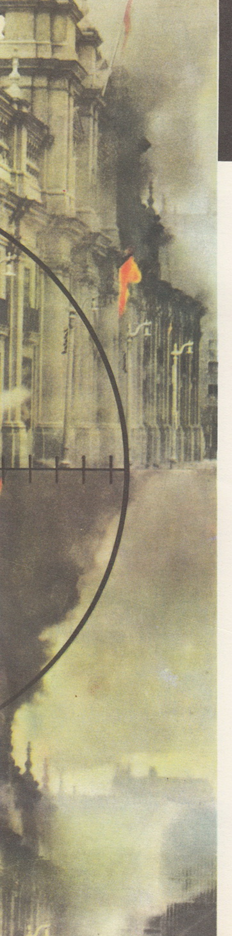
Далее. Каково наше положение? По отношению к нам не соблюдается закон. Нас преследуют на основании правил осадного положения. Хунта уверяет, что в стране сложилась чрезвычайная ситуация. Да, по конституции, правительство может вводить осадное положение, прибегать к экстраординарным мерам как политического, так и экономического характера, но оно должно делать это с санкции парламента...

Итак, мы видим правительство, действующее по произволу, абсолютно незаконное, антиконституционное правительство, ликвидировавшее правовой режим.

В истории Чили не было столь жестокой диктатуры, как та, что сегодня терзает наш народ».

Перевел с испанского
В. ЧИРКОВ

АНАЛИЗ ОДНОГО УБИЙСТВА

Габриэль Гарсиа МАРКЕС,
колумбийский писатель

Путч против законного правительства Народного единства вспыхнул 11 сентября 1973 года. Под прицелом мятежников президентский дворец Ла Монеда. Удар обрушился внезапно. Но он готовился давно, исподтишка. Кем? Как? Ради кого и чего? Чтобы узнать это, надо перенестись на несколько лет назад...

В конце 1969 года три генерала Пентагона обедали с пятью чилийскими военными в предместье Вашингтона. Радушным хозяином был Херардо Лопес Ангуло, тогда полковник военно-воздушных сил и атташе чилийской военной миссии в Соединенных Штатах; двое из чилийских гостей были его коллеги по другим видам вооруженных сил. Обед был устроен в честь начальника военно-воздушного училища генерала Карлоса Торо Масоте, прибывшего накануне с ознакомительной миссией. Восемь военных ели фруктовый салат и жареную телятину с горошком, пили вина, согретые теплом далекой южной страны, с ее пляжами, с ее яркими птицами, в то время как Вашингтон был покрыт снегом, и беседовали на английском языке на единственную тему, которая, казалось, интересовала чилийцев в тот момент: о предстоящем избрании президента.

За десертом один из генералов Пентагона спросил, как поступила бы чилийская армия, если бы на этих выборах верх одержал кандидат левых сил Сальвадор Альенде. Генерал Торо Масоте ответил: «За полчаса мы овладеем дворцом Ла Монеда, даже если нам понадобится поджечь его».

Одним из гостей был генерал Эрнесто Баэса, ставший после переворота 1973 года директором Национальной службы расследования в Чили; именно он во время путча руководил штурмом президентского дворца и отдал приказ поджечь его в тот же день. Прославились двое его бывших подчиненных: генерал Аугусто Пиночет и генерал Хавьер Паласнос, который участвовал в последней встрече лицом к лицу с Сальвадором Альенде. За столом сидел также бригадный генерал ВВС Серхио Фигероа Гутьеррес, которому после переворота достался пост министра общественных работ. Он близкий друг другого члена хунты, генерала военно-воздушных сил Густаво Лея, отдавшего приказ обстреливать президентский дворец ракетами. Последним чилийским гостем был нынешний адмирал Артуро Тронкосо, который был тогда военным губернатором порта Вальпараисо; это он организовал кровавую чистку, в результате которой прогрессивные офицеры военно-морского флота были ликвидированы, и дал сигнал к военному мятежу ранним утром 11 сентября.

Этот исторический обед был первым контактом между Пентагоном и чилийскими офицерами — представителями четырех видов вооруженных сил (сухопутной армии, военно-морского флота, авиации и полицейских сил карабинеров). В ходе последующих встреч как в Вашингтоне, так и в Сантьяго было достигнуто следующее окончательное соглашение: если когда-нибудь Народное единство одержит победу на выборах, то чилийские военные, самые преданные североамериканским идеалам и интересам, захватят власть. Они подготавливали свой переворот хладнокровно, как обычную военную операцию.

Таким образом, план вмешательства был разработан заранее не только под нажимом «Интернэшнл телеграф энд телефон компани» (ИТТ), но и по более глубоким причинам международной политики. Его окрестили «чрезвычайный план». Органом, который должен был ведать его осуществлением, было разведывательное управление министерства обороны Чили, но его непосредственное выполнение поручили управлению морской разведки, и именно оно собирало и централизовало сведения, поставляемые другими источниками, в том числе ЦРУ. Осуществление этого проекта поручили военно-морскому флоту, а не сухопутной армии, по той причине, что путч должен был совпасть с «Операцией Унидас» — совместными маневрами североамериканских и чилийских частей в Тихом океане. Эти маневры и состоялись в сентябре, в том месяце, когда проходили президентские выборы. Благодаря операции «Унидас» должно было казаться естественным, что на земле и в небе Чили можно видеть всякого рода военную технику, управляемую людьми, умеющими убивать.

Чили — узкая полоса земли длиной в 4270 километров и шириной в 190 километров, с населением в 10 миллионов человек, из которых два миллиона живут в столице Сантьяго. Величие этой страны заключается не в ее качествах, а в том масштабе, который приобретают там исключения. Единственное серьезное производство в стране — это добыча медной руды, но зато эта руда лучшего в мире качества, а объем добычи там ненамного меньше, чем в Соединенных Штатах или Советском Союзе. Кроме того, страна производит вина такого же хорошего качества, как европейские, но они мало экспортируются: чилийцы сами потребляют почти все производимое ими вино. Доход на душу населения составлял 600 долларов в год; это один из самых высоких доходов в Латинской Америке, но половина валового национального продукта распределяется среди всего лишь 300 тысяч человек.

В среднем каждые два дня в Чили ощущаются подземные толчки, а каждые три года происходят разрушительные землетрясения. Геологи, даже наименее пессимистически настроенные, считают, что эта страна покоится не на твердой земле, это выступ Анд в океане туманов, а вся ее национальная территория, ее прерии, в недрах

которых добывают селитру, и ее нежные женщины обречены на исчезновение в результате какого-то грядущего катаклизма.

В определенном смысле чилийцы очень похожи на свою страну. Это самые симпатичные люди на континенте; они любят жизнь, умеют делать ее красивой, но отличаются опасной склонностью к скептицизму и к интеллектуальным домыслам. «Ни один чилиец не верит, что завтра будет вторник», — сказал мне в понедельник один чилиец. Он и сам не верил в это. Однако, несмотря на такое безверие, а может быть, как раз благодаря ему чилийцы достигли стадии естественной цивилизации, политической зрелости и культурного уровня, которые являются их лучшими отличительными чертами. Из трех лауреатов Нобелевской премии по литературе, присужденной писателям Латинской Америки, двое были чилийцами. Один из них, Пабло Неруда, вошел в ряд крупнейших поэтов нашего века.

Правительство Соединенных Штатов знало даже самые секретные помыслы чилийцев. В 1965 году оно попыталось проникнуть в них самовольно, без разрешения Чили с помощью невероятной операции социально-политического шпионажа — «плана Камелот». Этот тайный опрос при помощи анкет с исключительно конкретными вопросами проводился во всех слоях общества, среди представителей всех ремесел, всех профессий и даже в самых отдаленных уголках страны для того, чтобы на научной основе определить степень политической эволюции и социальные тенденции чилийцев. В анкете, предназначенной для казарм, был вопрос, который пять лет спустя, на обеде в Вашингтоне, был снова задан чилийским военным: «Какую позицию вы займете в случае прихода к власти коммунистов?» Коварный вопрос. После операции «Камелот» Соединенные Штаты точно знали, что Сальвадор Альенде будет избран президентом республики.

4 сентября 1970 года социалист д-р Сальвадор Альенде был избран, как и ожидали, на пост президента республики. Тем не менее «чрезвычайный план» не был осуществлен. Самое распространенное и вместе с тем самое забавное объяснение заключается в следующем: кто-то в Пентагоне совершил ошибку, испросив 200 виз для так называемого духового оркестра военно-морского флота, который в действительности состоял из специалистов по свержению правительств, включая нескольких высших офицеров, которые и играть-то не умели. Чилийское правительство узнало об этом маневре и отказалось выдать визы. Кое-кто предполагает, что именно этот промах привел к отсрочке авантюры. Однако в действительности дело в том, что этот план полностью пересмотрели: другие североамериканские органы, в частности ЦРУ и посол Соединенных Штатов в Чили Эдвард Корри, сочли, что «чрезвычайный план» представляет собой лишь военную операцию и не учитывает реальных условий Чили.

В самом деле, торжество Народного единства не вызвало той социальной паники, на которую рассчитывал Пентагон. Напротив, независимость нового правительства в области внешней политики, его стремление решительно действовать в экономической области сразу же вызвали в обществе глубокое удовлетворение. В течение первого года были национализированы 47 промышленных предприятий и более половины кредитной системы. В результате аграрной реформы было национализировано 2,4 миллиона гектаров обрабатываемых земель. Процесс инфляции стал более умеренным; удалось снова обеспечить полную занятость, а заработная плата повысилась на 40 процентов.

Мелкая буржуазия и средние классы — две важные социальные силы, которые могли бы в тот момент поддержать военный государственный переворот, — начали пользоваться неожиданными преимуществами, но не в ущерб пролетариату, как это было всегда, а в ущерб финансовой олигархии и иностранному капиталу. Вооруженные силы как социальная группа состояли из людей одного и того же возраста, одного и того же происхождения и с одними и теми же чаяниями, что и средние классы, и у них не было никаких причин поддерживать горстку офицеров-путчистов. Христианская демократия, сознавая эти факты, не только не поддерживала в тот период гарнизонных заговорщиков, но и оказывала им сопротивление, зная, что они непопулярны среди слоев, поддерживающих христианско-демократическую партию.

Ее цель заключалась в другом: любыми средствами дискредитировать режим, для того чтобы завоевать две трети мест в конгресс на выборах в марте 1973 года. При таком большинстве она могла проголосовать за конституционное низложение президента республики.

Христианско-демократическая партия в союзе с крайне правой национальной партией контролировала конгресс. Народное единство контролировало исполнительную власть. Поляризация этих двух сил, по существу, отражала поляризацию в самой стране. Любопытно, что именно католик Эдуардо Фрей, который не верит в марксизм, наилучшим образом использовал классовую борьбу, поощряя и обостряя ее, чтобы не давать покоя правительству и толкнуть страну по наклонной плоскости деморализации и экономического развала.

Североамериканская экономическая блокада, введенная после экспроприаций без компенсации, и внутренний саботаж буржуазии сделали все остальное. В Чили производили все — от автомобилей до зубной пасты, однако структура чилийской промышленности порочная: в 160 самых крупных предприятиях 60 процентов капитала принадлежит иностранцам, а 80 процентов сырья и оборудования импортируется. Кроме того, стране ежегодно нужно было 300 миллионов долларов, чтобы импортировать потребительские товары, и еще 450 миллионов долларов для выплаты внешнего долга.

Кредиты от социалистических стран не могли восполнить эту острую нехватку средств, ибо вся чилийская промышленность, сельское хозяйство и транспорт пользовались североамериканским оборудованием.

Потребности Чили были огромными и безотлагательными. Веселые буржуазные дамы, использовав в качестве предлога нормирование продуктов и «чрезмерные» требования бедного населения, вышли на улицы, гремя пустыми кастрюлями.

Президент Сальвадор Альенде понял тогда и сказал, что правительство состоит из представителей народа, но у народа нет власти. Это заявление было более горьким, чем могло показаться, а также более тревожным, так как сердце Альенде было полно того уважения к законности, которое, очевидно, стало причиной его собственной гибели: этот человек, который сражался до конца, отстаивая законы, вполне мог бы покинуть дворец Ла Монеда через парадный вход, с высоко поднятой головой, если бы конгресс сместил его с поста президента конституционным порядком.

Одна итальянская журналистка, которая нанесла визит Альенде в то время, нашла его постаревшим, напряженным и полным мрачных предчувствий. Он сидел на том самом диване, на котором потом лежал его труп, прошитый пулями, с лицом, обезображенным ударом приклада. Отныне даже те представители христианско-демократической партии, которые раньше относились к нему лучше всего, были настроены против него. «Даже те, кто полевее?» — спросила у него журналистка. «Все», — ответил Альенде.

Накануне выборов в марте 1973 года, когда должна была решаться его судьба, он заявил, что был бы удовлетворен, если бы коалиция Народного единства получила 36 процентов голосов. А между тем, несмотря на безудержную инфляцию, несмотря на жесткое рационирование продуктов, несмотря на концерт на кастрюлях, который устроили разбушевавшиеся буржуазки, он получил 44 процента голосов. Это была столь сенсационная и столь решительная победа, что Альенде, оставшись в своем кабинете наедине со своим другом и доверенным лицом, журналистом Аугусто Оливаресом, закрыл дверь и пустился в пляс.

Для христианско-демократической партии это было доказательством того, что демократический процесс, которому положила начало коалиция Народного единства, уже нельзя сдержать легальными средствами, но эта партия была неспособна правильно оценить последствия авантюры, на которую собиралась пойти, — непростительный случай исторической безответственности. Для Соединенных Штатов это предостережение имело гораздо большее значение, чем интересы экспроприированных компаний: речь шла о недопустимом прецеденте мирной эволюции. Все силы внутренней и внешней реакции сплотились в монолитный блок.

Но, с другой стороны, партии коалиции Народного единства, внутренние разногласия которых были гораздо более глубокими, чем это признают, не сумели договориться об уроках, которые следовало извлечь из результатов мартовских выборов. Правительство оказалось парализованным: с одной стороны, на него нажимали те, кто считал, что нужно было воспользоваться явным полевением масс для того, чтобы совершить решающий скачок в области социальных преобразований, а с другой стороны — самые умеренные, которые опасались призрака гражданской войны и думали, что можно отступить и достигнуть соглашения с христианско-демократической партией. Сейчас всем ясно, что эти контакты со стороны оппозиции были не чем иным, как отвлекающим маневром, чтобы выиграть время.

Забастовка владельцев грузовиков сыграла роль детонатора. Ландшафт страны гористый, поэтому экономика Чили полностью зависит от автомобильного транспорта. Парализовать его — это значит парализовать Чили. Для оппозиции это было легким делом, так как корпорация владельцев грузовиков больше всех пострадала от нехватки запасных частей, и, кроме того, ей угрожали правительственные проекты, предусматривающие национализацию транспорта. Забастовка продолжалась до победного конца, не прекращаясь ни на минуту: ее финансировали извне звонкой монетой: «ЦРУ наводнила страну долларами, чтобы поддержать забастовку предпринимателей, и эта валюта хлынула на черный рынок», — писал Пабло Неруда

одному другу в Европе. За неделю до путча уже не было ни растительного масла, ни молока, ни хлеба.

В последние дни существования коалиции Народного единства в этой стране с подорванной экономикой, стоявшей на грани гражданской войны, маневры правительства и оппозиции были направлены на достижение одной цели — изменить, каждый в свою пользу, равновесие сил в рядах армии. Последний удар был мастерским: за 48 часов до путча оппозиции удалось опорочить и сместить тех представителей верховного командования, которые поддерживали Альенде, и назначить на их место, одного за другим, с помощью ряда ловких маневров всех тех офицеров, которые присутствовали на обеде в Вашингтоне.

Однако уже с этого момента контроль над политической обстановкой ускользнул из рук главных участников событий. Увлекаемые необратимой диалектикой, они сами в конце концов превратились в пешки на более обширной шахматной доске, гораздо более сложной, имеющей гораздо большее политическое значение, чем просто заговор, сплетенный империализмом и реакцией против народного правительства. Это было ужасное классовое столкновение, вышедшее из-под контроля тех самых людей, которые его вызвали, неумолимое столкновение противоположных интересов, заключительный пароксизм которого вылился в беспрецедентный во всей истории Америки социальный катаклизм.

В этих условиях военный переворот не мог не быть кровавым. Альенде это знал. «Не следует играть с огнем, — сказал он в одном интервью. — Если кто-либо думает, что в Чили военный государственный переворот будет происходить, как в других странах Америки, и будет чем-то вроде простой смены караула у дворца Ла Монеда, то он глубоко ошибается. Здесь, если армия преступит законность, прольются реки крови». Эта уверенность основывалась на исторических данных.

Чилийские вооруженные силы вопреки тому, чему нас заставляли поверить, вмешивались в политику всякий раз, когда чувствовали, что интересы правящего класса находятся под угрозой, и всякий раз прибегали к невероятно жестоким репрессиям. Последний путч — это уже шестая попытка такого рода за последние 50 лет.

Свой кровожадный темперамент чилийская армия приобрела в той ужасной школе, какой была война с арауканцами, которая продолжалась 300 лет. Один из ее родоначальников похвалялся в 1620 году тем, что он собственноручно убил за одну операцию более 2 тысяч человек. Хоакин Эдвардс Бельо рассказывает в своей хронике, что во время эпидемии тифа военные приказали больным выйти из домов и прикончили их, отравив ядом, чтобы положить конец эпидемии.

Особенно жестоко они подавляли народные движения. После землетрясения в Вальпараисо в 1906 году военно-морские силы ликвидировали организацию портовиков, убив 8 тысяч рабочих. В Икике в начале этого столетия бастующие демонстранты, преследуемые войсками, спрятались в городском театре. Их расстреляли из пулеметов; погибло 2 тысячи человек. 2 апреля 1957 года армия подавила бунт в торговом центре Сантьяго. Число погибших невозможно было установить по той простой причине, что правительство спрятало трупы и приказало похоронить их тайно.

Во время забастовки на руднике «Эль-Сальвадор» при правительстве Эдуардо Фрея военный патруль открыл огонь по демонстрации и разогнал ее. При этом было убито шесть человек, в том числе дети и беременная женщина. Командовал этой операцией никому не известный 52-летний генерал, отец пятерых детей, географ по образованию и автор нескольких книг по военным проблемам — Аугусто Пиночет.

Миф о приверженности закону и о необычайной мягкости этой кровожадной армии был придуман в хорошо понятных интересах чилийской буржуазии.

Накануне государственного переворота путчисты перебили офицеров, которые отказались их поддержать, а также тех, кто не подчинился приказам о репрессиях. Тогда вспыхнули восстания целых полков и в Сантьяго, и в провинции, но они были безжалостно подавлены, а их организаторы расстреляны для устрашения остальных.

В этих трагических событиях приняли участие многочисленные иностранные агенты. Бомбардировка дворца Ла Монеда, техническая точность которой поразила специалистов, была делом рук группы североамериканских «воздушных акробатов», которые прибыли в Чили под прикрытием операции «Унидас» якобы для развлекательного воздушного представления 18 сентября, в годовщину национальной независимости. Очень многие агенты тайной полиции соседних стран, проникшие через боливийскую границу, скрывались до путча, а затем развернули ожесточенную охоту за семью тысячами политических беженцев из других латиноамериканских стран.

К тому же за два года до этого произошел государственный переворот в Боливии, который облегчил тайную доставку в страну всевозможных подрывных средств. Определенная часть североамериканских кредитов была втайне переведена в Боливию, чтобы финансировать подрывные действия в Чили. В 1972 году генерал Уильям Уэстморленд совершил секретную поездку в Ла-Пас. Цель этой поездки так и не была объявлена. Тем не менее нельзя считать случайным тот факт, что вскоре после этого тайного визита войска и военная техника двинулись к границе с Чили. Это предоставило чилийским военным дополнительную возможность укрепить свое положение внутри страны, заняться сменой персонала и назначением определенных офицеров на высокие посты, чтобы те могли способствовать намечавшемуся государственному перевороту. И наконец, 11 сентября: сначала приблизили дату операции «Унидас», а в конце концов претворили в жизнь план, задуманный на обеде в Вашингтоне, правда, с трехлетним опозданием, но в том виде, в каком он был разработан: не как гарнизонный мятеж обычного типа, а как самую настоящую разрушительную военную операцию.

Речь шла не просто о том, чтобы свергнуть правительство, а о том, чтобы заставить прорасти в Чили зловещие семена террора, пыток и расстрелов, пока не исчезнут последние следы политических и социальных условий, которые сделали возможным коалицию Народного единства.

В час заключительной битвы, в то время, когда страна находилась во власти разъяренных путчистов, Сальвадор Альенде упорно старался соблюдать законность. Он был одновременно убежденным противником насилия и ревностным революционером. Это было самое драматическое противоречие его жизни. Альенде считал, что он его преодолел, убедив себя в том, что обстановка в Чили делает возможным мирный переход к социализму в рамках буржуазной законности. Опыт слишком поздно научил его, что, для того чтобы изменить систему, недостаточно входить в правительство: нужно иметь власть в своих руках.

Возможно, что это запоздалое открытие позволило ему найти в себе силы для того, чтобы сопротивляться до конца в объятых пламенем руинах дворца, который уже не был его резиденцией, в руинах мрачного здания, построенного итальянским архитектором для монетного двора и переставшего существовать, превратившись в последнее убежище президента, лишенного власти. Он сопротивлялся шесть часов, вооруженный автоматом, который ему подарил Фидель Кастро, — первое огнестрельное оружие, которым когда-либо пользовался Сальвадор Альенде. Рядом с ним оставался до конца, несмотря на то, что был весь изранен, журналист Аугусто Оливарес; он скончался затем в больнице.

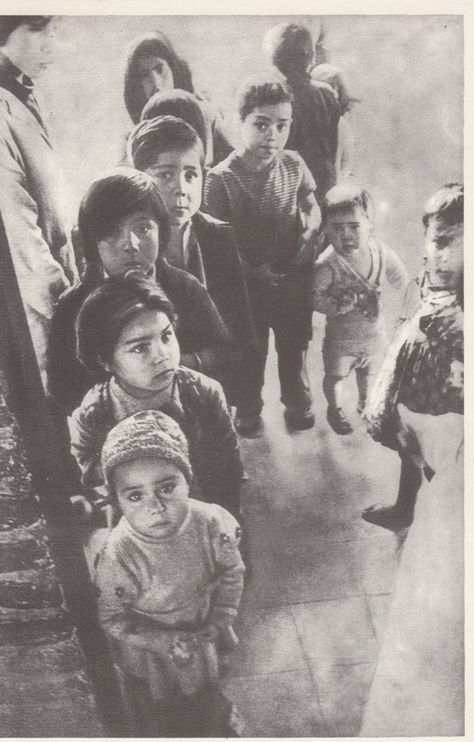
Примерно в 16 часов дивизионному генералу Хавьеру Паласиосу удалось прорваться на второй этаж вместе со своим адъютантом капитаном Гальярдо и группой офицеров. Там, в Красном салоне, среди комодов «под Людовика XV», среди китайских ваз с драконами и картин Рухендаса, их ждал Сальвадор Альенде. На голове у него была каска шахтера, он был без пиджака и без галстука. Его одежда была в крови, в руке он держал автомат.

Альенде хорошо знал генерала Паласиоса. За несколько дней до этого он сказал Аугусто Оливаресу, что считает Паласиоса опасным человеком, поддерживающим тесные контакты с посольством Соединенных Штатов. Увидев его на лестнице, Альенде крикнул: «Предатель!», и, выстрелив, ранил его в руку.

Альенде погиб во время перестрелки с этим патрулем. А затем каждый офицер по армейской традиции выстрелил в упор в его тело. И наконец, какой-то унтер-офицер ударом приклада обезобразил его лицо. Есть фотография: ее сделал Хуан Энрике Лира, репортер газеты «Меркурио», единственный журналист, которому разрешили сфотографировать труп. Он был настолько обезображен, что, когда Ортенсию Альенде повели к гробу, ей не позволили взглянуть на лицо покойного.

В июле 1973 года ему исполнилось 64 года; он был человеком упорным, решительным, человеком непредвиденных поступков. «Как считает Альенде, знает один Альенде», — сказал мне один из его министров. Он любил жизнь, любил цветы и собак, был галантным кавалером прошлой эпохи, когда было принято дарить надушенные билеты. Он был последовательным, и это было его самое большое достоинство. Но судьба уготовила ему редкое и трагическое величие — умереть, защищая с оружием в руках верховный суд, который отрекся от него, но который оправдал его убийц; защищая жалкий конгресс, который объявил, что действия Альенде противоречат конституции, но с радостью подчинился воле узурпаторов; защищая свободу оппозиционных партий, которые продали душу фашизму; защищая изъеденное молью наследие прогнившей системы, которую он хотел ликвидировать без единого выстрела. К несчастью для чилийцев, трагедия постигла Чили, но он, Альенде, вошел в историю как символ того, что дорого всем нам, людям нашей эпохи, как человек, память о котором навсегда останется в наших сердцах.

(«Нувель обсерватёр», Париж)

Всмотритесь в этих чилийских ребят. Все происходило у них на глазах — бомбардировки рабочих кварталов в дни мятежа в сентябре 1973 года, аресты их родных и близких, облавы. Все продолжается у них на глазах — полицейский террор, облавы, аресты. Вот почему в их глазах столько страдания, недетской настороженности и... затаенной надежды. Им, пока они не подросли, остается только надежда — что придет день, когда их отцы и старшие братья свалят ненавистный фашистский режим.

Рене БАЛЛЕ,
французский писатель

Минуло три года после трагического сентября 1973 года. Удалось ли Пиночету и его сподручным, а также их покровителям утопить в крови, вытравить самые помыслы чилийцев о свободе, справедливости, демократии, социализме?

«Чили сегодня похожа на реку Мауле», — говорит один из героев публикуемого очерка. А Мауле знаменита своими грозными и непредсказуемыми разливами...

Март 1976 года. Последний этаж здания на улице Монтихас в чилийской столице Сантьяго. Сквозь шторы пробиваются солнечные лучи последних дней южноамериканского лета. Они блестят на листьях комнатных растений, освещают изящные статуэтки на столе. Мой собеседник охватывает взглядом панораму города за окном — 25-этажную башню, в которой обосновалась военная хунта, высокие антенны над зданием Национального разведывательного управления, здания официальных учреждений, которые охраняют карабинеры с автоматами в руках.

— Никогда ни одно правительство в Чили не пользовалось такой поддержкой народа, — говорит он. И его фраза, и жест повисают в воздухе. Звуки музыки Моцарта, льющиеся из невидимого радио, смешиваются с городским шумом. — Наконец-то мы обрели свободу, — заканчивает он фразу и энергично опускает руку...

За несколько дней до этого мне пришлось побывать в одном из нищенских пригородов Сантьяго. Едва заметным движением губ мой проводник делает мне знак молчать, когда мы приближаемся к группе из четырех человек. Трое из них — жители этого района. У них закатаны рукава рубах, обуты они в сандалии. Они молча слушают четвертого, который говорит с ними, сопровождая слова энергичными жестами. «Это наш активист», — поясняет проводник, когда мы оставляем их позади...

Любитель Моцарта и проводник по району бедняков имеют достаточно оснований, чтобы опасаться друг друга. Первый — председатель конфедерации промышленников и частных предпринимателей. Второй — человек, ведущий подпольную деятельность. Оба — каждый по-своему — участвуют в той невидимой войне, которая продолжается с момента военного переворота 11 сентября 1973 года.

— Напишите, что Сантьяго — это такой же город, как любой другой, — попросил меня один представитель хунты. — Напишите, что жизнь здесь течет вполне нормально.

Представитель военной хунты прав. Как во многих других городах Запада, в Сантьяго процветают порнография и спекуляция жильем. В этом смысле жизнь в нем действительно течет «нормально», то есть подчиняется тем же буржуазным нормам.

Издавна Сантьяго пользовался репутацией чистого и благоустроенного города. Здания еще напоминают об этом прошлом — массивные, серых тонов, они вызывают больше аналогий со Швейцарией или Германией, чем с Южной Америкой — такой, какой ее представляют себе по другую сторону океана.

Но тротуары потрескались, адвокатские конторы и приемные врачей сдаются в аренду, витрины забиты хламом.

— Сантьяго превращается в бродягу, — говорит мне чилийский друг. — Вызвано ли это бедностью Сантьяго? Да, и бедностью, но главным образом переселением. Если хочешь убедиться в этом, пройдись по «Прови».

«Прови», или проспект Провиденсиа, —

ПРОГНОЗ НА БУДУЩЕЕ: БОРЬБА И ПОБЕДА!

это центральная артерия так называемого Сантьяго-Альто. Сантьяго-Альто, или Верхний Сантьяго, не просто один из районов города. Это город в городе. Обитатели «Прови» никогда не опускаются в Сантьяго. У них здесь собственные магазины, концертные залы, свои банки, почтамты, лечебницы. Именно сюда перебираются адвокаты и медики, покидая столичный центр.

— А скоро реальные хозяева страны будут жить уже не в Сантьяго, — говорит мой друг. — Они будут делить свое время между курортами в Андах и на Тихом океане. Когда уровень воды в котловине слишком поднимается, опасно искать убежище у его краев.

Чили — это своего рода котловина, воронка. Метафора о ее краях имеет здесь материальное воплощение. На востоке, в нескольких километрах от Сантьяго, стеной возвышаются Анды. Некоторые горные вершины достигают высоты более шести тысяч метров. На западе, в нескольких десятках километров от Сантьяго, — прибрежная цепь Кордильер.

Всех, кто решил не сопротивляться судьбе, плыть по воле волн, неминуемо затягивает на дно котловины, в Сантьяго. Здесь живет каждый третий чилиец. Именно это постоянное «соскальзывание» населения и объясняет существование пояса «поселений» вокруг Сантьяго.

Лачуги из досок и просмоленного картона. Грязная вода, стекающая по канавам. Электрические провода от крыши к крыше (их крестьяне незаконно присоединяют к основной линии, отводя себе ток для освещения). Здесь живут тысячи две семей. В каждой семье по десять-одиннадцать человек, то есть общее число здешних жителей составляет больше двадцати тысяч человек.

Женщина, которая водила меня по этому «поселению», сообщила мне такие цифры. У 80 процентов детей явственно видны признаки истощения. У очень многих нет родителей: сначала отец уходит в поисках заработка, и несколько месяцев от него нет никаких вестей; не видя другого выхода, мать, в свою очередь, покидает семью, уходя на заработки.

Настроения уныния и безнадежности мешают организации солидарности в «поселениях». Так же как и алкоголизм, от которого страдает очень много мужчин и даже женщины. Не говоря уже о воровстве.

— Если в Сантьяго у кого-то что-то украли, то хозяин почти наверняка может обнаружить свою пропажу на «меркадо перса».

«Меркадо перса» («персидский рынок») — самая нижняя точка котловины. Каждое воскресное утро любая ведущая сюда улочка забивается непрерывным потоком людей, торгующих всякой всячиной. Это царство разбитых и разобранных вещей: буфера машин, коленчатые валы, пробки от радиаторов; головы, руки и ноги розовых или черных кукол; телевизионные экраны без телевизоров и коробки телевизоров без экранов; пружины, гайки, шестеренки... Мне казалось, что я вижу «распавшийся» город, в том смысле, в каком говорят, что машина «распадается», если постепенно теряет все свои составные части. Разложившийся, распавшийся в результате всех этих несчастий, Сантьяго соскальзывает в конце концов на дно, к «меркадо перса»...

На первый взгляд может показаться, что на «меркадо перса» царит анархия. В действительности он подчиняется неопровержимой логике. Этот базар, на котором можно купить все по дешевке, — своего рода пародия на экономику чилийского рынка. Снижение покупательной способности мешает тем, у кого есть какие-то ненужные для себя вещи, продать их. Самых неимущих оно толкает на кражи. В обоих случаях выигрывает «меркадо перса». В 1975 году уровень инфляции достиг 345 процентов, то есть возрастал на один процент почти ежедневно. Именно такой инфляции «меркадо перса» и обязан своим превращением в царство разобранных частей и деталей.

Иностранцу может показаться, что торговля на «меркадо перса» и существование «поселений» — это второстепенные детали, по которым нельзя судить обо всей стране. Но они распространены повсеместно, это массовые явления. Проживание в «поселениях» — не временный этап в жизни беженцев из деревни. Напротив, идет и обратный процесс: в «поселения» прибывает все больше обнищавших жителей центра Сантьяго.

Зато на другом полюсе общества «создаются настоящие империи», по выражению Эдуардо Фрея, в прошлом президента республики, лидера христианско-демократической партии.

Истощение детей, попрошайничество и преступность среди молодежи, поиски спасения на «меркадо перса», бегство в «поселения» — вовсе не второстепенные явления. Это цена, которую чилийцы платят за возникновение «настоящих империй».

Без дополнительного заработка просто не прожить. Поэтому широкое распространение получает нелегальный детский труд, оплачиваемый в одиннадцать раз меньше официального минимума. В феврале 1976 года из-за несчастного случая в песчаном карьере погиб один рабочий. Его звали Лолито. Ему было 13 лет, и он получал один песо в день. Ему нужно было трудиться три дня, чтобы заработать на килограмм хлеба. Именно благодаря таким, как Лолито, создаются сейчас «настоящие империи».

О низком уровне жизни, которую уместнее назвать выживанием, свидетельствуют цифры. После 11 сентября 1973 года цены увеличились в 32 раза, а зарплата — всего в 11 раз. Жизненный уровень понизился на две трети, что стало причиной следующих изменений.

Во-первых, резко уменьшился объем валового национального продукта — на 23—25 процентов в 1975 году по сравнению с 1974 годом. Во-вторых, уровень безработицы в «большом Сантьяго» (в столице с пригородами) повысился с 8 до 17 процентов от общего количества трудоспособного населения всего за один год — с 1974 по 1975 год. В 1975 году, по данным частных исследований, он составил даже 23 процента.

Как бы там ни было, в Сантьяго каждый пятый рабочий не имеет работы. С другой стороны, это приводит к чудовищной сверхэксплуатации, которой подвергаются остальные четверо. Это кажущееся безумным расточительство бесценного людского капитала на самом деле вполне обдуманно. Оно соответствует определенному экономическому и политическому курсу. С точки зрения экономики, исчезновение тысяч предприятий — предварительное условие для создания «настоящих империй». С точки зрения политики, безработица пришла на смену танкам, став главным орудием репрессий в руках военной хунты. Мне это подтвердили, каждый по своему, и представители хунты, и те, кто борется в подполье.

— Государственный переворот принес подлинное освобождение, — утверждает Эухенио Эйреманс. — Теперь можно купить все, чего ни пожелаешь.

Эухенио Эйреманс — счастливый человек. Он занимается своими делами в собственной конторе на последнем этаже здания, расположенного на улице Монхитас. Здесь он может слушать Моцарта, рассматривая изящные статуэтки. Он президент трех административных советов.

— Это максимум, который разрешен в Чили, — говорит он, как бы извиняясь. Но, кроме того, он владелец многих промышленных предприятий, а также сельскохозяйственных поместий на юге страны. И наконец, он председатель конфедерации промышленников и частных предпринимателей.

— А также советник национального совета французских предпринимателей, — добавляет он.

Седые виски, загорелая кожа лыжника или яхтсмена, рубашка в белую и голубую полоску — Эухенио Эйреманс может служить типичным образчиком тех деловых людей с портфелями «атташе-кейс», которых встречаешь в самолетах во время их поездок по различным центрам делового мира.

— Я учился в военно-морском училище. Мои бывшие соученики уже стали адмиралами. Во времена Народного единства я подталкивал их на государственный переворот, — говорит Эйреманс. Правда, он тут же уточняет, что никогда не занимался политикой. — Я бы даже сказал, что я крайне «аполитичен». Вначале мы думали, что живем в условиях настоящей демократии. Но это была только иллюзия.

Я вглядываюсь в него и понимаю, что,

несмотря на улыбку, этот деловой человек не шутит.

— У нас не было никакой экономической свободы, а без этого не может быть и свободы личности.

Эухенио Эйреманс уже не улыбается. Великий страх, который он пережил во времена Народного единства, еще не отошел в прошлое, он еще слишком близко.

Резким взмахом руки деловой человек как бы отсекает это ненавистное прошлое. Он вновь улыбается.

— Теперь нет больше парламента. И теперь мы имеем прессу...— он делает паузу, подыскивая нужное слово. Улыбка становится все шире и приобретает явный иронический оттенок. — Дисциплинированную прессу. Но у нас теперь есть настоящая свобода, экономическая свобода.

Эухенио Эйреманс отлично владеет лексиконом — ни разу не употребляет завоевавшее сомнительную репутацию выражение «свобода предпринимательства», говорит только об «экономической свободе». У Эухенио Эйреманса есть все основания для того, чтобы быть счастливым человеком.

Министр финансов Хорхе Кауас полностью разделяет его любовь к экономической свободе:

— Государство начало процесс передачи частным владельцам предприятий, которыми оно не в состоянии управлять. — И добавляет: — Изучается вопрос о путях ускорения этого процесса.

Более того, министр финансов идет навстречу самым сокровенным мечтам всех собственников во всем мире:

— Политика свободных цен привела к быстрому возвращению к нормальной деятельности рынка.

Действительно, рынок вновь функционирует нормально, рабочие уже не переполняют магазины. Эухенио Эйреманс обрел свободу «купить все, чего ни пожелает».

Располагая тем преимуществом, что он министр в стране, где парламент «закрыт», а пресса «дисциплинирована», Хорхе Кауас может позволить себе откровенность, которая непозволительна другим его коллегам:

— За нормализацию положения приходится платить определенную цену, а именно — понижать жизненный уровень чилийцев.

Некоторые из наиболее горячих сторонников военного переворота недовольны этой политикой, которая обдуманно ведет к спаду. Они мечтают о работе в крупных масштабах, о комплексных решениях. Но они не учитывают современных условий. Новый подъем в экономике означал бы активизацию деятельности организаций и усиление брожения в среде рабочих. В эпоху упорядочения дубинки, танки и автоматы — не единственное оружие. Оружием становятся также безработица и незаконный, рабский труд.

Именно это поняли те, кого фашисты старого образца прозвали «мальчиками из Чикаго». Не следует в этом прозвище искать намек на Аль-Капоне или на бойни. Так называют просто-напросто весьма уважаемую экономическую школу — «чикагскую школу». Ее руководитель Милтон Фридман весьма интересуется Чили. У изголовья больной Чили Милтон Фридман ведет себя как подлинный хозяин положения. Его рецепт прост — вернуться к экономической системе, свободной на все сто процентов. Он не отрицает необходимости такой «экстренной» операции, как военный переворот 11 сентября 1973 года. Но опасается реакции американской общественности, весьма чувствительной к виду крови, особенно в год президентских выборов. Поэтому он предлагает продолжить операцию, но уже в более «чистом» виде. Применяя технику искусственного охлаждения, замораживания.

Но если механизмы заморозить можно, то гораздо труднее проделать это с сознанием трудящихся.

— Во время избирательной кампании 1970 года мы не могли проникнуть в эти дома. Как только нас замечали, в окнах появлялись плакаты: «Мы — католики», и двери перед нами немедленно закрывались.

Мы находимся в одном из «поселений» где-то в окрестностях Сантьяго. Активист коммунистической партии, который сопровождает меня, показывает мне на несколько кирпичных домов, которые были построены около пятнадцати лет назад на месте бывшего района бедняцких жилищ.

— Теперь, — продолжает он, — их двери открыты перед нами. У нас есть контакты в каждом из этих зданий.

Присутствие коммунистической партии ощущается в тех слоях общества, которые даже во времена Народного единства были настроены по отношению к ней достаточно враждебно. Чуть позже мне это подтвердил еще один активист. Он живет в довольно комфортабельной и хорошо отделанной квартире. Дом расположен в богатом районе, здесь разбиты газоны, между кварталами домов насажены деревья. В присутствии жены и старшего сына он объясняет мне, что безработица и трудности вызывают стремление к солидарности и что солидарность, в свою очередь, сейчас приводит к тому, что исчезают определенные идеологические барьеры. Заметив, что я поражен тем, насколько свободно это говорится в присутствии 13—14-летнего сына, он рассмеялся:

— Да ведь он сам распространяет листовки партии. Он гибкий, у него хорошая реакция, он пролезает повсюду.

Он ведет меня по одному из «поселений», все лачуги в котором похожи друг на друга. Нас приглашает войти в дом женщина. Ее муж не имеет работы уже полтора года, но она все-таки очень хочет нас хоть чем-то угостить. Одна из дочерей пошла принести нам — не знаю откуда — два стакана очень чистой, свежей воды.

Женщина объясняет нам, что сделан шаг вперед в организации солидарности между жителями. Жены безработных получают материал для того, чтобы сшить детскую одежду. Потом ее купит «Бекстекс», который позаботится о ее дальнейшей продаже.

— Может быть, это и можно назвать экстренным решением проблемы для безработных, — говорит мне активист коммунистической партии, — но все-таки это скорее выгодное дельце для «Бекстекс», крупного текстильного предприятия. «Бекстекс» воспользуется этим, чтобы уволить часть работающих на предприятиях людей, труд которых окажется менее рентабельным, чем труд жен безработных. Вот почему главное — это организовать борьбу на самих предприятиях.

Он коммунист. Одновременно в Сантьяго он руководит одним из самых крупных чилийских профсоюзных объединений.

— Рабочие на предприятиях уже начинают организовываться, — говорит он. — Это не так трудно, как было в 1973 году.

Нужно учиться приемам работы в подполье, но эта учеба обходится очень дорого. Одно лишнее слово, неосторожность — и все руководство профсоюза, которое создавалось с таким терпением, ценой месяцев упорнейшего труда, «пропадало» за один день.

— Это еще случается, но мы научились работать более умело.

Хунта не может отменить существование предприятий и людей, которые на них работают. Ей необходимо с кем-то разговаривать. Поэтому, разогнав все прежние профсоюзы, она была вынуждена разрешить новые, «разумные» профсоюзы, «которые не будут заниматься политикой». Коммунисты, таким образом, работают на два фронта — внутри подпольных организаций и внутри профсоюзов, которые разрешены.

— Сейчас мы или руководим, или оказываем влияние на определенное число официальных профсоюзов. Мы стремимся создать новую настоящую профсоюзную конфедерацию.

В конце ноября 1975 года на юге Чили, в городе Консепсьон, было созвано что-то вроде конгресса профсоюзов. Хунта обеспечила ему большую рекламу: разве этот конгресс не доказательство нормализации положения в Чили? Хунта приняла все меры предосторожности — периодически распускала те из разрешенных ею же профсоюзов, которые проявляли слишком большую независимость, разрешая в то же время существование более послушных профобъединений. Министр труда хунты собственной персоной пожаловал на конгресс. Но коммунисты помешали торжествам:

— По существу, были использованы наши тезисы, наши экономические требования.

Жена, которая до самого последнего времени молча слушала наш разговор, вступила в беседу:

— Чили сегодня похожа на реку Мауле.

Мауле протекает на юге Чили. Она течет спокойно, но ее тихие воды скрывают неукротимый и бурный характер. Ее непредсказуемые и грозные разливы сделали Мауле знаменитой.

Сам профсоюзный руководитель, настроенный не столь поэтично, так подводит итог беседы:

— Рабочий класс частично еще находится под властью отчаяния и покорности судьбе. Но происходят коренные изменения. Главное сейчас — это идеологическая борьба.

...Когда мы затронули вопрос о будущем Чили, Эухенио Эйреманс сказал:

— Однажды военные должны будут уйти. Они станут такими же жертвами эрозии власти, как и другие. Если они сохранили здоровый дух в 1973 году, то только потому, что держались в стороне, замкнувшись в себе, в своих казармах. Если бы не это, их бы тоже коснулась зараза.

Думаю, что Эухенио Эйреманс имеет все основания бояться «заражения». Несмотря на хирургическую операцию в сентябре 1973 года, «поселения» остаются «зараженными». Несмотря на замораживание экономики, официальные профсоюзы также «заражены». Самая «здравомыслящая» пресса тоже не осталась стерильной.

Активисты компартии и других партий Народного единства вот уже три года томятся в тюрьмах и концлагерях. И эти тюрьмы и концлагеря превратились в очаги «заражения». Отрезанные от внешнего мира, подвергающиеся жестокому обращению, а зачастую пыткам, эти люди сумели воссоздать реальную организацию даже внутри самих тюрем, организацию, существование которой не может игнорировать даже сама тюремная администрация.

(«Юманите-диманш», Париж)

ИХ МУЗА — СВОБОДА

Азарий МЕССЕРЕР,
наш спец. корр.

Недавно в Ленинграде ансамбль «Килапаюн» дал концерт, доход от которого пошел в фонд солидарности с борьбой чилийского народа против фашистской хунты. Мне посчастливилось побывать на этом концерте-митинге и услышать песни борьбы, которые запомнятся надолго. Не могли бы вы на страницах вашего журнала рассказать об этом ансамбле?

Заранее благодарю.

Марина Мухина, ученица 10-го класса 209-й школы Ленинграда.

В длинных черных пончо они стремительно вбегают на эстраду и приветствуют публику, подняв вверх сжатые в кулак руки. Красивые лица, словно с полотен Веласкеса и Гойи. На снимке, перепечатанном нами с последней пластинки — это уже 15-й диск ансамбля, — они смотрят вперед, навстречу солнцу. Ветер развевает их длинные волосы, ветер развевает гриву коня, которого студенты и рабочие нарисовали на стене одного из домов Сантьяго и который стал своеобразным символом ансамбля. Название пластинки под стать фотографии — «Avante» — «Вперед!». А позади у них 10 бурных лет, полных испытаний, невосполнимых утрат — трагическая гибель Виктора Хары, и побед — ансамбль был признан лучшим на многих фестивалях в Чили и далеко за ее пределами. Сальвадор Альенде назвал его «культурным послом чилийского народа»; позади до сих пор страшная весть о фашистском перевороте, заставшая их на пути в Чили из Берлина, где они стали победителями на конкурсе X Всемирного фестиваля молодежи и студентов, и тяжелое решение — не возвращаться, и горький вкус эмиграции, и повседневная партийная, подлинно революционная работа — они члены ЦК Компартии Чили — по мобилизации всех прогрессивных сил мира для участия в движении солидарности с борьбой чилийцев против фашистской диктатуры.

Мы уже не раз писали на страницах нашего журнала о «Килапаюне», о движении «Новая песня», с которым он неразрывно связан. Но сегодня мы хотели бы познакомить вас с каждым участником ансамбля, с его взглядами и интересами, с его наиболее сильными впечатлениями от концертной деятельности, с его музыкальными вкусами и увлечениями, со всем тем, что делает его личностью неповторимой.

Знакомьтесь, Гильермо Оддо, или Уилли, как его зовут друзья. Высокий, с узким продолговатым лицом и длинными донкихотовскими усами, Уилли — весельчак и балагур. Его шутки подхватываются и повторяются чилийцами как народные анекдоты. По образованию он химик, окончил химико-технический факультет университета. «От химии у меня любовь к поварскому искусству, — шутит он, — обожаю готовить национальные блюда и угощать гостей, а за столом быть тамадой. Когда к нам в Чили приезжал прославленный ансамбль народного танца Грузии, я с удовольствием выполнял эту приятную обязанность за чилийско-грузинским столом».

— Расскажи мне, Уилли, о самом ярком эпизоде в твоей концертной деятельности, — попросил я его. Весельчак Уилли надолго задумался, а потом стал говорить — очень серьезно.

По инициативе Корвалана

(РАССКАЗЫВАЕТ ГИЛЬЕРМО ОДДО)

— В тот раз нас представлял публике сам Луис Корвалан. Это по его инициативе мы впервые приехали к шахтерам, чтобы выступить на митинге, организованном Коммунистической партией Чили. Компартия горячо поддержала движение «Новая песня», основанное нашей выдающейся певицей и собирательницей фольклора Виолеттой Парра, целью движения было возрождение национального искусства, создание на его основе политических песен. Мы часто бывали в доме у Корвалана, видели его за работой, в кругу семьи и друзей. Мы подолгу беседовали, а порой и спорили с ним о политике, о музыке. Я лично всегда восхищался его скромностью, искренностью, сердечностью и тонким умом, а ныне, как и тысячи людей во многих странах, вижу в нем пример непоколебимой стойкости.

В тот вечер Корвалан, подбадривая нас, уверял, что рабочие, обычно с недоверием относившиеся к студенческим ансамблям, как к выразителям буржуазного искусства, примут наши песни. И действительно, с каждой песней мы чувствовали все больший контакт с публикой, с этими усталыми, пришедшими прямо из шахт людьми. После одного из номеров с места поднялся здоровенный шахтер и воскликнул: «Vivan, los cantaros del pueblo» («Да здравствуют певцы народа»). «Vivan», — прокатилось в ответ по залу. Именно тогда я особенно остро почувствовал, в чем наше призвание: нести в народные массы, простым рабочим песни, которые мы обработали или сочинили под влиянием народной музыки. И еще я понял, что песня способна объединить студентов и рабочих, прогрессивную интеллигенцию и крестьян, служить Народному единству.

С тех пор связи «Килапаюна» с простым народом никогда не ослабевали, несмотря на вынужденную эмиграцию участников ансамбля. И в этом смысле весьма типична история песни «План «Леопард».

Палачи хунты расстреляли пятерых молодых рабочих и, чтобы сбить волну возмущения, сфабриковали пресловутый план «Леопард», в соответствии с которым рабочие якобы занимались саботажем на электростанции. Безвестный поэт и патриот Чили написал стихи на смерть мужественной пятерки антифашистов. Стихи эти были тайно переправлены во Францию, а Гильермо Оддо сочинил к ним музыку. Песня «План «Леопард» в исполнении «Килапаюна» звучит как приговор хунте. И у хунты есть возможность его услышать: то, что ее агенты присутствуют на концертах ансамбля, не вызывает никакого сомнения, сказал мне один из ветеранов «Килапаюна» Родольфо Парада, описывая прошлогоднее турне по городам США.

Кража перед концертом

(ГОВОРИТ РОДОЛЬФО ПАРАДА)

— Госдепартамент долго отказывал нам в визах, пока чиновники в Вашингтоне не сообразили, что своей обструкцией они невольно создают нам рекламу. В стране началось движение в поддержку наших гастролей, в котором особенно активно участвовала молодежь, студенчество. В конце концов госдепартамент вынужден был уступить, и все наши концерты в США проходили при переполненных залах. Многие видные общественные деятели побывали на них. Например, в Бостоне три лауреата Нобелевской премии подписались под резолюцией, принятой на митинге, состоявшемся после нашего выступления, в которой решительно осуждались вопиющие нарушения Декларации о правах человека в Чили.

Перед концертом в Вашингтоне трое наших товарищей обнаружили, что у них украли документы: грабители оставили в чемоданах все мало-мальски ценное, включая деньги, но забрали, наверное, с целью затруднить наши переезды из одного штата в другой удостоверения личности — несомненно, это было делом агентов хунты.

Мне повезло: Родольфо прекрасно говорит по-английски и по-французски, поэтому я, не зная испанского, подсаживался именно к нему в автобусе, который возил участников ансамбля по Ленинграду. По специальности Родольфо инженер-металлург, закончил аспирантуру, написав диссертацию на тему, связанную с экономикой. Кстати, всеми финансовыми делами в ансамбле, большая часть доходов которого идет в фонд солидарности с борьбой чилийского народа, ведает Родольфо. Широкоплечий, сильный, он по натуре боец и оратор, выступающий на многотысячных митингах. Как музыкант Родольфо также обладает богатым опытом и знаниями в самых разнообразных областях. Он играет на четырех национальных индейских инструментах и на гитаре, сочиняет как музыку, так и слова песен. Помимо народной музыки, Родольфо очень любит классику, особенно произведения русских композиторов.

— Так вы говорите, здесь жил Чайковский? А Глинка, Мусоргский, Бородин ведь тоже работали здесь? — спрашивал Родольфо, с восхищением смотря в окно на проплывающие мимо ленинградские проспекты.

— Да, и Римский-Корсаков, и Стравинский.

— Что за город, здесь и в музыке делали революцию! Скажите, а можно побывать в Доме-музее Шостаковича, или он еще не открыт? Это любимый мой композитор, — говорит Родольфо и прерывает на минуту разговор, чтобы помахать рукой группе моряков на Дворцовом мосту, которые узнали участников ансамбля — наверное, были на концерте во Дворце спорта.

— Кстати, у нас установились тесные связи с видными латиноамериканскими композиторами, — продолжает Родольфо. — Они посвятили нам несколько кантат, которые исполняются ансамблем в сопровождении струнного оркестра. Самым крупным музыкальным событием последнего времени стало для нас исполнение в ряде западноевропейских стран кантаты «Санта Мария из Икике» Луиса Адвиса. Стихи, в которых описывается учиненная хунтой варварская расправа над рабочими города Икике, уже переведены на французский и итальянский, и сейчас двое выдающихся актеров и режиссеров: Жан-Луи Барро во Франции и Джан Мария Волонте в Италии решили поставить драматические сцены, сопровождающие кантату.

Родольфо не сразу узнаешь по снимку, напечатанному в нашем журнале, потому что пришла, видно, очередь и ему отращивать бороду. По традиции трое участников ансамбля носят бороды, ибо «Килапаюн» в переводе с одного из индейских языков — арауканского — означает «Три бороды». От первоначальной троицы бородачей в ансамбле остался только ныне безбородый Эдуардо Карраско. Он бессменный руководитель и, можно сказать, идеолог «Килапаюна», автор многих его песен.

Эдуардо близорук, несколько флегматичен, говорит спокойно, строя безупречные по логике фразы, в общем, его легко принять за университетского профессора. Он и стал бы им, если бы после окончания философского факультета не отдал себя целиком музыке. Надо видеть, как преображается его, казалось бы, невозмутимое лицо, сколько энергии и даже страсти появляется в нем, когда он играет на своем любимом инструменте — индейском сампания — родственнике флейты.

«Наш долг — оградить национальную культуру»

(ГОВОРИТ ЭДУАРДО КАРРАСКО)

— Вы спрашиваете о наиболее ярких встречах за последнее десятилетие, что ж, я назвал бы три. Первая встреча — с шахтерами, о ней уже рассказывал вам Оддо. Потом мы приезжали к ним часто, нас приглашали выступать на национальном празднике шахтеров в Лота, вряд ли можно найти более благодарную публику.

Не забуду встречи с советской молодежью на демонстрации во время празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде. Тогда мы вместе пели ваши прекрасные революционные песни, некоторые из которых вошли в постоянный репертуар ансамбля.

— Прости, что прерываю тебя, Эдуардо, но искренне хочу выразить восхищение вашим исполнением песни «По долинам и по взгорьям». Если бы «Ровесник» учредил специальную премию за лучшее исполнение советской песни иностранными коллективами, я бы голосовал за присуждение ее «Килапаюну», и, думаю, что несколько тысяч ленинградцев, аплодировавших вам, согласились бы с таким выбором. А третья твоя самая памятная встреча?

— С Фиделем Кастро. Три дня мы гостили у него, беседовали о проблемах возрождения национальных культур в странах Латинской Америки и о взаимном влиянии музыки народов нашего континента. Надо сказать, что кубинские, точнее афрокубинские, ритмы оказали огромное воздействие на музыку многих латиноамериканских композиторов. Эти ритмы как нельзя лучше подходят для современной политической песни, или, как мы говорим, песни-памфлета: пронизанная афрокубинским ритмом песня легко воспринимается и подхватывается массами, словно лозунг. Фиделя очень заинтересовала идея синтеза политической песни с фольклором, то есть та самая идея, которая лежит в основе нашего движения «Новая песня». Он предложил, чтобы несколько чилийских музыкантов приехали на Кубу и поделились своим опытом. Этот план был осуществлен: группа чилийцев в течение 6 месяцев находилась на Кубе, и под ее руководством был создан великолепный кубинский ансамбль «Мангуэре». Мне думается, что пример такого сотрудничества имеет огромное значение. Вместе, общими усилиями мы можем оградить музыкальную культуру латиноамериканских народов от чуждого нам проникновения североамериканской музыки. Поймите меня правильно, я не против поп-музыки как таковой, среди исполнителей, скажем, рок-музыки есть талантливые музыканты, в США и странах Западной Европы эта форма порой успешно применяется для выражения взглядов художника на современную действительность. Но, используя мощные средства массовой информации, западные монополии навязывают нам поп-музыку, которая душит национальную культуру. Молодые люди, еще не сформировавшие собственные вкусы и убеждения, постоянно видят на экранах телевизоров эстрадных идолов, «суперзвезд» США и невольно начинают подражать им в манере одеваться, вести себя, другими словами, становятся зависимыми от сугубо буржуазной культуры. Такое засилье поп-музыки, по моему убеждению, является одной из форм империализма, ибо оно ведет к закабалению не только экономическому, но и духовному.

Возникает вопрос, что мы можем предложить взамен североамериканскому влиянию, чем можно увлечь молодежь? Думаю, что движение «Новая песня» может служить одной из таких альтернатив — все больше молодежи в Латинской Америке переходит на нашу сторону, увлекаясь национальной музыкой и политической песней.

— Эдуардо, я знаю, что «Килапаюн» проявляет большую заботу о смене, о воспитании молодых исполнителей. Как происходит обновление ансамбля, откуда он черпает свежие силы?

— В годы Народного единства мы сделали немало для создания своей школы. Отобрали 40 подростков, которые стали заниматься под руководством «Килапаюна». Они серьезно изучали народную музыку и народные инструменты, выступали на школьных концертах, пробовали свои силы в четырех молодежных ансамблях. Конечно, сейчас нам приходится работать в трудных условиях. На родине хунта настолько боится распространения политического влияния «Новой песни», что вообще запретила народную музыку. Смешно? Нет, грустно. Всякое исполнение народных песен в Чили сегодня связано с опасностью ареста и репрессий. Они хотят лишить чилийский народ его корней. Тем более мы ощущаем свою ответственность как хранителей народного искусства. Наш долг — спасти, оградить национальную культуру. Несмотря на все запреты, чилийцы постоянно слушают нас. В частности, наши песни часто звучат по московскому радио в передачах, направленных на Чили, а эти передачи, по достоверным сведениям, ныне самые популярные в стране. Диски «Килапаюна» подпольно распространяются и тиражируются. Мы уверены, что у нашего дела найдется немало про-

должателей, во всяком случае, недостатка в молодых талантливых исполнителях, мечтающих присоединиться к нашему ансамблю, нет. Кстати, самый молодой участник ансамбля — Уго Лагос — питомец детской школы «Килапаюна». Впоследствии он учился в консерватории по классу композиции, так что он, по сути, профессиональный и, надо сказать, очень талантливый музыкант.

Уго задумчив, немногословен. Музыка — его страсть. Я почти не видел его без инструмента. Даже после концерта, уставший, он подходит к роялю и начинает импровизировать новые мелодии. Но больше всего Уго любит играть на чаранго, индейском инструменте, близком по форме к балалайке, чаранго делают из шкуры броненосца, обитающего в латиноамериканской пампе. Шерстистая дека чаранги кажется живой, ее невольно хочется погладить. Овладеть этим инструментом очень трудно, он издает высокие протяжные звуки, имитирующие завывание ветра в горах — постоянный образ инструментальных произведений ансамбля. Я спросил Уго, как он попал в школу «Килапаюна».

«Я учился петь на демонстрациях»

(ВСПОМИНАЕТ УГО ЛАГОС)

— Я рано научился играть на гитаре, вместе с приятелями мы собирались по вечерам, наигрывали популярные песни, сочиняли свои собственные — в Сантьяго почти в каждом дворе найдешь таких любителей гитары. Мой отец рабочий-печатник. С ним я не раз ходил на демонстрации. Во время одной из них, в Вальпараисо (шла предвыборная кампания, и рабочие выступали в поддержку партий Народного единства), меня попросили спеть одну из моих песен. Как сейчас помню красные знамена, развевавшиеся над головой, и рабочих, подпевавших мне. Я старался тогда петь как можно лучше. После этого Эдуардо Карраско пригласил меня учиться в школе «Килапаюна».

— Какое выступление ансамбля запомнилось тебе больше всего?

— Это было в курортном местечке Винья дель Мар, где отдыхает буржуазия. Там издавна устраиваются фестивали песни. Мы согласились выступить, поскольку гонорары были высокие и таким образом удалось бы пополнить партийную кассу. Фестиваль состоялся за несколько месяцев до убийства Альенде, когда классовая борьба обострилась до предела.

После первой же песни публика на стадионе разделилась на два лагеря: одни требовали, чтобы нам дали продолжить программу, другие пытались сорвать концерт. На трибунах началась потасовка. Тогда Родольфо подошел к микрофону и произнес пламенную речь. Мы подняли вверх сжатые в кулак руки и запели известную вам песню «Когда мы едины — мы непобедимы». Фестиваль был прерван на несколько дней, в городе начались волнения.

Да, выступления «Килапаюна» и в Чили, и во многих других странах не раз становились политическим событием. В Испании 1974 года, например, концерт «Килапаюна» на стадионе в Барселоне имел такой политический резонанс, что франкисты запретили дальнейшие гастроли ансамбля в Мадриде. Выражая солидарность с борьбой чилийского народа против хунты, тысячи испанцев клеймили фашизм в собственной стране.

Наверное, у каждого популярного ансамбля есть одна песня, самая главная, исполняемая во всех концертах, песня, с которой связаны наиболее дорогие сердцу каждого музыканта воспоминания. Для «Килапаюна» это произведение Виктора Хары «Призыв к землепашцу» (мы опубликовали ее в № 6 «Ровесника» за 1976 год). Я попросил Карлоса Кесаду рассказать о первом публичном исполнении этой песни. Несколько слов о Карлосе, одном из бородачей, похожем на молодого Гарибальди. По специальности он архитектор, увлекается, помимо музыки, фотографией. Обложки пластинок «Килапаюна» и других чилийских ансамблей обычно оформляются им. На последней обложке этого журнала мы публикуем фотографию Карлоса, сделанную специально для «Ровесника».

Главная песня

(ВСПОМИНАЕТ КАРЛОС КЕСАДА)

— В 1969 году наш ансамбль уже был достаточно известен. Однако владельцы средств массовой информации не допускали нас к радио- и телестудиям. Не пригласили нас участвовать и в первом крупном конкурсе песни, устраивавшемся католическим университетом в Сантьяго. Студенты, активно выступавшие в то время за предоставление им самоуправления, потребовали, чтобы в конкурсе участвовал Виктор Хара — как композитор. Виктор Хара же, в свою очередь, поставил условие, чтобы его песню — «Призыв к землепашцу» исполнял только наш ансамбль. Правительство Фрея заигрывало тогда со студентами, и администрация университета вынуждена была выполнить это требование. Виктор связывал с нашим выступлением большие надежды, он говорил, что в случае удачи мы «сломаем стену молчания», которой окружили нас радио и телевидение. И он оказался прав. Его замечательная песня настолько высока в художественном отношении, что жюри, хотя оно и состояло в большинстве из людей с правыми взглядами, вынуждено было присудить ему первую премию, а это давало право выступить на заключительном концерте, транслировавшемся по телевидению со стадиона Сантьяго. Песня имела неслыханный успех. Овация продолжалась 25 минут. Это был подлинный триумф Виктора. Страшно подумать, что на том же стадионе четыре года спустя фашисты расстреляли его. Но умер Виктор тоже как победитель — с песней «Венсеремос!» на устах.

Среди ста тысяч зрителей на том концерте был и 16-летний юноша Гильермо Гарсиа. Высокий с тонкими чертами лица, Гильермо обладает прекрасным баритоном и незаурядным музыкальным дарованием.

Как и Уго, Гильермо поступил в школу «Килапаюна», а потом три года учился в консерватории. И сегодня именно ему доверена честь исполнять песню «Призыв к землепашцу». Гильермо поет ее самозабвенно, страстно и в то же время с великолепным чувством меры, и песня эта покоряет все новых и новых людей в самых разных уголках мира.

Цех коллективного творчества

(ГОВОРИТ ГИЛЬЕРМО ГАРСИА)

— Я не ожидал, что нас так горячо будут принимать в Японии. Но каждый концерт превращался в праздник. Нам подпевал весь зал, оказывается, японцы, культура и язык которых столь сильно отличаются от наших, не только хорошо знают наши песни, но и сами сочинили несколько песен солидарности с борьбой чилийского народа.

— Гильермо, в программах ваших концертов часто можно прочитать: слова и музыка «Килапаюна». Как вам удается сочинять всем вместе?

— Мы называем это «цехом коллективного творчества». И за последние годы нам, безусловно, удалось разработать определенную методику такого рода работы. Каждый приносит в «цех» свои новые идеи, будь то музыкальная тема, или стихи, или просто история события, достойного того, чтобы его отразили в политической песне. Если идея понравится всем, ее начинают воплощать в жизнь; предлагаются и отвергаются различные варианты, мы пробуем, импровизируем, дополняем друг друга, и так рождается новое произведение. Особое внимание мы уделяем внешнему оформлению песни, ее режиссуре. Этому учил Виктор Хара, который был и незаурядным театральным постановщиком.

Мне думается, что успех коллективного творчества «Килапаюна» объясняется, в частности, и тем, что они так дружны в жизни: понимают друг друга с полуслова, переживают радости и горести товарища, как свои, а это так важно в условиях эмиграции, вдали от родины. Я видел, как все они волновались за Эрнана Гомеса, который никак не мог дозвониться в Париж — там бастовали телефонисты. А дозвониться было необходимо, потому что Эрнан вот-вот должен был стать отцом. И наконец в последний день их пребывания в СССР — радостная весть: у Эрнана родился сын.

Ренальдо увидит родину

(ГОВОРИТ ЭРНАН ГОМЕС)

— Признаться, я ожидал, что у меня будет дочь, и хотел назвать ее одним из русских имен, которые мне так понравились. Но сына мы уже давно решили назвать Ренальдо. И все равно его буду считать почти ленинградцем. Что мне вам сказать, я счастлив, и можете быть уверены, сегодня я буду петь, как никогда!

Это короткое интервью Эрнан дал мне в артистической ленинградского Дворца спорта «Юбилейный» перед самым выходом на сцену. Для большой семьи «Килапаюна» тот день был праздничным, они выступали с особым подъемом, а Эрнан пел действительно превосходно. Ленинградцы вызывали его на «бис», дарили ему всевозможные сувениры, большого белого зайца, матрешки... Солируя в песне «Малембе», он продемонстрировал не только блестящие вокальные данные, но и незаурядные актерские способности. «Малембе», слова и музыку которой мы приводим на последней странице обложки, как раз и есть результат коллективного творчества «Килапаюна». Она написана в духе старинных индейских заклинаний. Эрнан изображает колдуна: он то дьявольски хохочет в микрофон, то издает какие-то шаманские звуки, то запевает энергичную, заражающую зал мелодию песни. Ее смысл прост: хунте и всем ее приспешникам придется худо («малембе»). Да, очень плохо, «малембе» — вторит зал громовым эхом. Конечно, никто не надеется лишь на индейские заклинания — меньше всех «килапаюнцы». Они знают — хунту можно уничтожить только в упорной и длительной борьбе. И тогда сбудется пророчество песни «Малембе» — народ Чили сметет фашистских палачей, обретет свободу, и родившийся на чужбине маленький Ренальдо увидит свою родину.

ТУТ МАРСИАНЕ НЕ ПРОЛЕТАЛИ?

Ремо ГУЭРРИНИ,
итальянский журналист

В прошлом году в Англии и Соединенных Штатах было прочитано более тысячи университетских курсов по научной фантастике; в Италии нынче столько докторантов на эту тему, что одна издательская фирма объявила специальный конкурс на лучшую работу. В Венеции открылся первый итальянский магазин, торгующий исключительно книгами научной фантастики, — «Солярис»; там же организовался и клуб «заговорщиков»: пока их, помешанных на научной фантастике, только восемьсот, но ведь у них сильная поддержка за океаном... Уже выходят в Италии многочисленные информационные издания под интригующими заголовками: «Аспидистра», «Интерплот», «К звездам», «Астралия», «Севаграм», «Сатурния»...

Лихорадка перекинулась и на издательства: более или менее стоящая книга по научной фантастике расходится тысячными тиражами, а журнал «Урания» ничем по тиражу не уступает самым популярным книжкам про сыщиков. Только что родившийся журнал «Робот», где в основном печатаются критические статьи по научной фантастике, выходит 40-тысячным тиражом. Наконец, вспомним, что такой популярный журнал, как американский «Ньюсуик», позволил себе отдать этой теме свою весьма дорогостоящую обложку. Короче, научная фантастика переживает настоящую лихорадку. Сколь долго продлится она? И кто, собственно, читает, если угодно, потребляет всю эту продукцию?

«Словесный «робот» любителя фантастики, причем достаточно точный, был составлен при опросе 16 тысяч любителей этого вида чтения, — отвечает на эти вопросы Джанфранко Вивиани из издательства «Норд». — Средний возраст — от 20 до 30 лет, пол — мужской (женщины составляют лишь десять процентов), хорошее, часто высшее образование. Доход весьма высокий, судя по средствам, затрачиваемым на приобретение интересующих изданий. До последнего времени политическая ориентация этого среднего «любителя фантастики» была весьма определенна — он консерватор. Мало того, зачастую в недавнем прошлом он в своих убеждениях был даже правым, в одну кучу сваливающим Ницше, ракеты и боеголовки...» «Но ситуация меняется, — продолжает Витторио Куртони, редактор «Робота». — Сами писатели, по крайней мере большинство их, давно отошли от правых позиций и мрачных пророчеств, научной фантастикой все больше интересуется публика, которую раньше называли «хиппи», все больше среди них студентов, взращенных 68-м годом».

Научная фантастика, как массовая, поставленная на издательский конвейер лите-

ратура, отмечает в эти дни 50 лет. Именно в 1926 году Хьюго Гернсбек, радиотехник из Люксембурга, переселившийся в США, выставил в киосках первый номер журнала «Удивительные истории». Гернсбек учился в Германии, а в Америку приехал в двадцатилетнем возрасте. В 1908 году Гернсбек основал фирму «Модерн электрикс», а через три года опубликовал роман под таинственным названием «Ральф 124 С41+». Наряду с заурядными любовными коллизиями и счастливо заканчивающимися приключениями в романе были такие научные и технические предвидения, как космические полеты, радар, освещение на принципе флуоресценции, жидкие удобрения для сельского хозяйства, магнитофонная запись, телевидение и видеотелефон и т. д.

Сегодня Хьюго Гернсбек считается если не отцом, то по крайней мере «крестным» научной фантастики; в первом номере своих «Историй» он писал, что научная фантастика является таким родом прозы, которая экстравагантна лишь сегодня, завтра же она станет нормой; основоположниками научной фантастики он считал таких писателей, как Эдгар Аллан По, Жюль Верн и Герберт Джордж Уэллс.

Поклонники научной фантастики вообще аккуратные толкователи и систематизаторы; они давно, в частности, установили, кто в их литературе отец, кто дед, а кто прадед. Корни генеалогического древа фантастики уходят, считают они, ко второму веку нашей эры, когда Лукиан Самосатский описал фантастическую битву между жителями Луны и Солнца, в которой «восемьдесят тысяч воинов, оседлав трехголовых лошадей, сражались бок о бок с гигантскими лягушками, крылатыми лучниками, гигантскими блохами и летающими муравьями». Иные, правда, ищут прародителей фантастики среди таких по времени более близких к нам авторитетов, как Кеплер, Сирано де Бержерак, Свифт, Вольтер — короче, среди тех, кто описывал воображаемые путешествия на Луну или Марс, кто верил в то, что идея путешествия в космос родилась в тот момент, когда Икар надел крылья. Это то, что касается прадедов. Деды же фантастики жили в прошлом веке: знаменитый Франкенштейн, соединивший в себе дар предвидения с даром попадать в ситуации в духе готических романов ужаса; герои произведений Верна и Уэллса. Сто лет назад братья Гонкур писали в своем дневнике: «Критики проглядели целую область литературы, обращенной к XX веку. Научные чудеса, сказки, болезненные пророчества; нет, речь идет не о поэзии, но об аналитической фантазии». В произведениях По, Верна, Уэллса присутствует одна особенность, которая в дальнейшем всегда будет характерна для фантастики: критика социальной системы. Верн и Уэллс пишут во времена империализма, но их симпатии далеки от современных им конкистадоров народов и земель. Их герой — капитан Немо, гражданин мира...

Шло время, и мужественные ученые, герои научно-фантастической литературы, все явственнее стали являть признаки эксцентричности и сумасшествия; появляются целые демонические города — Черная страна, Город миллиарда. Критики в этой связи замечают: «Америка Верна, великая страна будущего, демонстрирует все более страшные пороки, и причина тому — исповедуемая ею дипломатия доллара».

Когда в 1926 году Хьюго Гернсбек выбросил на прилавки киосков свои «Удивительные истории», он рассчитывал сыграть на уже устоявшемся к тому времени интересе публики к дешевым изданиям с продолжением. Расчет оказался верен, и скоро тираж «Историй» достиг ста тысяч экземпляров. То были годы увлечения чудесами; тогда публику занимали в основном двумя типами романов: или сугубо научными — дидактическими и скучными, или сугубо фантастическими, где полет воображения не сдерживался никакими рамками. Эти последние выходили большими тиражами чуть ли не до наших дней. Написанные грубо и поспешно, они тем не менее сохраняют в себе некое очарование наивного времени, до сих пор привлекающее любителей.

Эдгар Райс Берроуз, бывший пионер американского Запада, бывший золотоискатель, бывший бакалейщик, стал автором более чем семидесяти романов. Большую часть их он посвятил своему любимому герою — знаменитому Тарзану. Такого же Тарзана Берроуз несколько позднее сделал героем приключений на Марсе или Венере; приключений в стиле вестерна, но развивающихся в условиях, напоминающих средневековье. Представьте себе: некий Джон Кастер, едва прибыв на красную планету (впрочем, о том, как он прибыл, не рассказывается), тут же вынужден вступить в схватку с четырехметровым зеленым марсианином, который может похвастаться не только острыми клыками, но и парой лишних рук. Впрочем, все это на марсианина тени не бросает; к середине романа он станет закадычным приятелем Кастера. Что касается самого Марса, то местная цивилизация старше земной и переживает пору декаданса: покинутые города в полном запустении, а пересохшие моря стали ареной регулярных наземных и воздушных стычек между соперничающими племенами. Впрочем, не все марсианцы так агрессивны и несимпатичны: Джон Кастер женится на прекрасной принцессе Дея Торис, которая, хотя и откладывает яйца, способна и на обычные человеческие отношения.

Чудеса пронизывают все произведения двадцатых и тридцатых годов: Говард Лавкрафт, человек мягкий и болезненный, к тому же увлекающийся астрономией, создает целый мир, управляемый демоническими силами; страшные существа, свалившиеся на землю из космоса, находят приют на дне морей, а когда их пытаются выкурить оттуда, устраиваются в прошлом человека, в его мозгу...

Гибель Атлантиды и Римской империи — все это ничто, все это чепуха по сравнению с битвой двух суперрас, тысячелетиями доминирующих в космосе, — Эддора и Аризина, так считает Эдвард Смит, писатель и философ, занявшийся ревизией человеческой истории — в том числе и будущей — на основе собственных вышеизложенных посылок. Летит в бесконечность Космический Легион, чтобы разделаться наконец-то с тайнами Василиска; летает по космосу астронавт Икар, груженный спорами и всяческими личинками, пока не разбивается о неизвестную девственную планету: детям его приходится вести борьбу не на жизнь, а на смерть с убийцами-грибами и убийцами-лягушками размерами с пульмановский автобус... Таковы были романы, исчезнувшие из продажи лишь несколько лет назад. Пожалуй, здесь стоит вспомнить и доктора Сэведжа, бронзового непробиваемого интеллектуала, сокрушающего неизвестные племена, расположившиеся под Северным полюсом, и защищающего приличных людей Америки.

Эпоху пионеров сменила эпоха искателей золота. Люди, понимающие в фантастике, обозначают ее приход 1937 годом, когда Джон Кэмбелл, в прошлом и сам писатель, принял на себя руководство журналом «Эстаундинг» («Поразительное»). На протяжении 20 лет это издание будет своеоб-

разным маяком в мире научной фантастики, и в его гавани найдут себе приют самые великие этого жанра литературы. У Кэмбела было два требования: сюжет произведений должен развиваться «на ничейной земле, лежащей между наукой и воображением», а само произведение должно отвечать высоким требованиям литературы; если автор не обнаруживал в себе качеств истинного писателя, Кэмбелл «заворачивал» произведение. Именно в это время научная фантастика создает свои первые шедевры... История человечества заново рассказывается у потухающего костра собаками — единственными существами, оставшимися на земле, а в наступивших сумерках вечности нарождается новая высокоорганизованная раса хозяев планеты — цивилизация муравьев (это — «Город» Клиффорда Саймака). Что случится с беднягой роботом, освобожденным от комплекса Франкенштейна, побуждавшего его нападать на своего создателя, и ставшего обычным домашним электроприбором в руках ужасных мальчишек (это — «Я, робот» Айзека Азимова)? Что происходит с иезуитом, попадающим на далекую планету, жители которой, как выясняется, понятия не имеют о первородном грехе («Вопрос совести» Джеймса Блиша)?

И все же фантастика сороковых годов — пока все тот же монумент поклонения науке. Свидетельствует Азимов: «Жизнь в 50—60-х годах действительно оказалась похожей на то, что рисовала фантастика в сороковые годы. Мы описывали ракеты и электронно-вычислительные машины абсолютно такими, какими они появились через десяток лет». Пророки атомной энергии вообще попали в точку: незадолго до первого испытания атомной бомбы в США агенты ФБР врываются в редакцию «Эстаундинга» — они ищут доказательства того, что писатель Роберт Хайнлайн находится на содержании немцев или японцев. Дело в том, что в двух своих рассказах он совершенно недвусмысленно описывает работы с ураном-235 и опыты по созданию атомной бомбы. Все это в глазах ФБР доказывает шпионский характер деятельности Хайнлайна, и никакой научной фантастикой ему не оправдаться. И попробуй докажи обратное!..

Однако именно прогресс науки и техники вызвал кризис научной фантастики, и для того чтобы выйти из него, потребовалось несколько лет. Бомба, взорванная над Хиросимой, подорвала веру в идеалы науки, достижения же по освоению космоса лишили технику ореола фантастичности. Из научной фантастики ушел романтизм, теперь это стало просто научно-технической революцией.

Но вот в 60-х годах начала зарождаться новая, более зрелая фантастика: нет больше лихих набегов в пространство и время, интерес сосредоточился на самом человеке, на том зле, что несет он самому себе и окружению. Это начало фантастики социологической и психологической. В Америке появляются произведения о времени, не столь от нас отдаленном, в котором правительства находятся в полной зависимости от крупных рекламных фирм. Рождается жанр политической фантастики — фантаполитики. В Англии поднимается «новая волна» — течение, утверждающее в своем «манифесте» необходимость обратить внимание фантастики не на внешнее окружение человека, как это было в прошлом, но на его внутренний мир, на его психологию, на те тысячи планет, из которых состоит каждая личность. Теперь говорят о х о л о д н о й научной фантастике; холодной, как джаз.

Вот типичная картина для сегодняшней фантастики: авторы ее элегантны и рафинированы, даже когда описывают приевшиеся всем набеги на космос. Зачастую они не чужды и настроений, свойственных когда-то поколению хиппи и вообще молодежной контркультуре. Так Самуэль Делани, первый негритянский автор в фантастике, с легкостью и изяществом мешает в своих книгах математику, древние мифы и сумасшедшие суперприключения. Тут ничего странного — Делани выпускник математического факультета, профессор английской литературы и гитарист-любитель в одном из современных ансамблей. У Нормана Спинрада прошлое еще более колоритно — когда-то он был известным в Бронксе хулиганом. Главная тема его сегодняшних рассказов — Америка 80-х годов, управляемая теми, кто в шестьдесят восьмом году противостоял ее «истеблишменту». В книгах Джеймса Балларда нет астронавтов: действие происходит в окруженном красными песками Вермильон Сендзе, месте довольно реальном и весьма похожем, скажем, на Акапулько, пережившем атомную катастрофу.

Вот еще типичная ситуация для сегодняшней фантастики: игра с привычными, классическими концепциями и реалиями, выворачивание их наизнанку, перенесение качеств, свойственных одному человеку, на целые миры. Собственно, это и составляет суть нынешней фантастики — она ведет поиски внутри самой себя, она психоанализирует — Фрейд, спроецированный на звезды. Даже космические корабли — совершенные создания человека — страдают теперь неврозом, когда по вине какого-то дефекта экипаж гибнет во время полета.

Самое характерное для нынешней западной фантастики — это решительный поворот от политического безразличия и апатии, характерных для 40-х годов. В июне 1968 года Американская ассоциация научной фантастики раскололась на две части не из-за какой-нибудь марсианской истории, а из-за истории вьетнамской. Семьдесят два писателя вскладчину откупили страницу журнала «Гэлакси», на которой опубликовали свое заявление о поддержке американского вмешательства во Вьетнаме. На соседней странице, приобретенной другими восемьюдесятью двумя писателями, было напечатано другое заявление: «Мы выступаем против участия Соединенных Штатов во вьетнамской войне».

«Лучшие умы, работающие сегодня в фантастике, постоянно обращаются к психологии и социологии. Критика общественных структур — это константа лучших произведений фантастики» — это мнение Джанфранко де Туррис из римского издательства. Не случайно и премии, присуждаемые по разделу фантастики, обычно приходятся на долю произведений — «проклятий» индустриальной цивилизации. В специализированных книжных магазинах Америки сегодня самая раскупаемая книга — леденящий воображение портрет Америки, превращенной в полицейское государство. «Лейтесь, слезы, сказал полицейский» — приблизительно так можно перевести ее название. Или другой пример: Джон Бруннер, англичанин, руководитель премиального фонда памяти Мартина Лютера Кинга и автор гимна английских пацифистов, написал «самую значительную книгу, когда-либо выходившую из гетто научной фантастики, — «Плечом к плечу на Занзибаре» (роман-предупреждение о возможных последствиях перенаселенности Земли).

Тот, кто привык коллекционировать продукты культуры, снабжая их аккуратными бирочками, несомненно, будет растерян, встретившись с миром фантастики. Тот, кто любит мифы и сказки, встретит будущее за углом. И... все наоборот — не в этом ли обаяние и притягательность научной фантастики?! Вряд ли она самостоятельный вид литературы, скорее, это параллельная литература со своими вестернами, своими психологическими и сатирическими произведениями. В свои пятьдесят научная фантастика чувствует себя взрослой и зрелой...

Перевел с итальянского С. РЕМОВ

ИСТОРИЯ С ПРОБЕЛАМИ

Всеволод РЕВИЧ

Статья Р. Гуэррини интересна как одно из свежих свидетельств непрекращающегося бума вокруг научно-фантастической литературы. Вопреки мрачным предсказаниям, вопреки разговорам о якобы поразившем фантастику кризисе она продолжает широко писаться, широко издаваться и, главное, — широко читаться, волнуя свою аудиторию, затрагивая сокровенные струны в ее душе, чем и объясняется фантастический, во всех смыслах этого слова, ажиотаж вокруг этого рода литературы.

Статья эта юбилейная: 50 лет назад американец Хьюго Гернсбек основал первый массовый научно-фантастический журнал. Конечно, дата довольно условная: даже если брать только англо-американскую фантастику, то она началась не с Гернсбека, который, кстати, как писатель представляет собой нулевую величину, и не с его журнала. Р. Гуэррини сам говорит об истинных родоначальниках жанра — Эдгаре По, Герберте Уэллсе, Жюле Верне. К их книгам можно было прибавить и такие классические произведения американской литературы, как «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена или «Железную Пяту» Джека Лондона. Не полувековой юбилей должна праздновать западная фантастика — она много старше. Но если обнаружился повод лишний раз всмотреться, так сказать, в жизненный путь «юбиляра», пересчитать его заслуги, пособолезновать о допущенных ошибках в назидание наследникам, то стоит ли возражать против даже не совсем обоснованных торжеств?

Юбилеи толкают оглядываться назад, потому и значительная часть статьи Р. Гуэррини отведена истории западной, точнее англо-американской фантастики. И в первом приближении схема ее развития, намеченная в статье, верна, хотя в этой схеме есть зияющие пробелы, которых становится тем больше, чем ближе автор подходит к сегодняшнему дню.

Автор правильно пишет, что англо-американская фантастика, конечно в лице ее лучших представителей, шла через преодоление научной сухости, политической индифферентности, ковбойских замашек «космической оперы». Лишь ее поворот к социологическим, политическим, этическим и прочим общественным проблемам позволил американским фантастам написать книги, принесшие им мировую известность. И началась эта «политизация» фантастики вовсе не в начале 60-х годов, а раньше, почти сразу после войны. Если есть на Атлантическом побережье книга, которая заслуживала бы быть отмеченной как веха, определившая на многие годы направление пути, то это, конечно, знаменитый роман Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту», вышедший в 1953 году. Уже здесь был в полный голос заявлен протест против превращения Америки в полицейское государство — именно то, что Р. Гуэррини ставит в заслугу лишь самым новейшим книгам.

Антиутопии, романы-предупреждения, которым положил начало Р. Брэдбери, стали и до сих пор остаются наивысшим достижением западной фантастики. Никакой альтернативы им мы не находим. Почему это так, почему даже самые талантливые писатели так и не смогли подняться до создания прогрессивной утопии о будущем — вопрос непростой, и здесь нет возможности заниматься его выяснением. Молодые западные фантасты пока известны нам мало, и было бы весьма любопытно рассмотреть групповой портрет поколения 70-х годов, узнать, чем же оно отличается от своих непосредственных предшественников. Жаль, что автор, упомянув некоторые новейшие произведения, таких отличий не нашел, хотя они, несомненно, есть.

Разумеется, от журнальной публикации трудно требовать, чтобы она была всеобъемлющей, автор вправе выбрать для своего обзора любой знакомый ему ряд, но все же создается впечатление, что советской фантастики автор попросту не знает. И не только советской — неизвестны, должно быть, ему ни Карел Чапек, ни Станислав Лем... Повторяю, в этом не было бы большой беды, если бы не склонность автора к некоторой всеобщности своих рассуждений о научно-фантастической литературе XX века, в то время как речь у него идет только о ее части — большой, яркой, но все же только части.

"КТО-ТО ПРОЛЕТЕЛ НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ"

Вообще-то это название фильма, которому в 1976 году присудили премию Американской академии киноискусства. Позолоченную фигурку мальчика, «Оскара», получил наконец-то один из самых, пожалуй, интересных актеров современного американского кино, Джек Никольсон (он на фотографии — слева, в центре продюсер фильма Майк Дуглас, а справа — бессменный ведущий церемонии награждения, комик Боб Хоуп. Но о самой церемонии позже). До этого Никольсона уже четыре раза выдвигали на «Оскара», но наград он так и не получал. Не только лицо его, но весь образ, типаж, если хотите, непривычны и выпадают из голливудовских стандартов; он не «американский герой» типа Дугласа Фербенкса, и не самозабвенный, так мило всех шокировавший истерик, подобно Джеймсу Дину. Талантливый актер, но уж никак не «звезда» в голливудовском понимании этого слова.

Никольсон о своем «Оскаре» сказал так: «Эти, в жюри, похоже, сами свихнулись, раз дали премию моему «сумасшедшему».

«Сумасшедшего» Никольсон ставит в кавычки — никакой его герой не безумец, наоборот, он — его герой — случайно попал, вернее, был заброшен в «кукушкино гнездо», в сумасшедший дом. Он и там ведет себя как нормальный человек с нормальными реакциями, что, на взгляд местных эскулапов, совершенно определенно доказывает его безумие. Мало того, на поверку и пациенты оказываются не такими уж ненормальными — просто честные люди: ну а разве это не безумие в мире врунов? Никольсон поднимает в лечебнице восстание, спасая себя и остальных от «кукушек» — нормальных лгунов. И герой его погибает — «кукушки» оказались сильнее.

Такова пятая, повторяем, пятая попытка Никольсона в конкурсе на завоевание «Оскара». Еженедельник «Нью-Йорк таймс мэгэзин» писал: «Эта его роль — еще одна в целой галерее созданных им образов «совсем-не-героев», то есть антигероев нашего времени в США. Никольсон точнее других сумел показать этих неудачников, людей отверженных, выброшенных за борт. И молодежь Америки увидела в образах, созданных Никольсоном, и особенно в последнем его фильме, символ своей борьбы против бездушного милитаристского общества и символ своего недавнего разочарования (так еженедельник характеризует период после подъема «молодежной революции» шестидесятых годов. — Ред.). Так Никольсон стал царящим антигероем американского кино».

Но отчего же на этот раз Голливуд благосклонно отнесся к постороннему в «кукушкином гнезде» (ибо образ этот можно и на Голливуд в целом перенести: если фильм — сатира на общество, то Голливуд — сцена и экран этого общества). Собственно говоря, не в самом «Оскаре» дело — «Оскар» лишь ежегодный финал бурной киножизни, но все же, если награда дана фильму, для Голливуда нетрадиционному, более того — направленному против этих традиций показного оптимизма и благополучия, значит, и с самими традициями что-то происходит?

Вы прочтете в этой подборке несколько зарубежных очерков, посвященных Голливуду, его традициям и метаморфозам.

СВАЛКА СНОВ В ГОРОДЕ ЧУДЕС

Плач на смерть Голливуда начался еще в шестидесятые годы. Рыдания, конечно, несколько преждевременны — Голливуд все еще делает фильмы и деньги, правда, меньше фильмов, но зато больше денег. И все же позолота сошла. Голливуд теперь не легенда, просто город, обладающий определенной специализацией. Он делает фильмы так же, как Детройт делает автомобили. Ну а что же станет со всеми нашими фантазиями, которыми Голливуд так удачно пичкал нас? Если студии были, по меткому выраже-

нию режиссера Натаниэля Уэста, «свалкой снов», то куда теперь мы денемся с нашими снами?

Ах, какие были сны! Как мы любили их — обворожительных, мягких красавиц и шампанское в плавательных бассейнах; вечный полдень и деньги, сыплющиеся, как осенние листья; борзые на газонах; город фантастических шансов и молниеносного успеха; место, где мужчины были мужчинами (по крайней мере, некоторые из них), а богачи — настоящими крезами.

Поначалу Голливуд олицетворял собой вечный праздник необыкновенной любви. Он олицетворял стремление смелых удачников к необъятным просторам Дальнего Запада. Правда, была в вестернах и вторая линия: трусость и предательство, поражение и смерть. И эти образы не соперники. Двуголосие «удача и поражение» — в звуке имени Голливуд. Потому что Голливуд — это реальная земля, завоеванная мифологией.

Безусловно, голливудовский миф был созданием газетных колонок светских сплетен, журналов для поклонников кино и ежевечерней общенациональной болтовни. А посему публика, терзаемая собственными, самыми обыкновенными бедами, время от времени испытывала сильное искушение выудить правду. И тогда те же голливудовские пресс-агенты услужливо предлагали ей горькие и ожесточенные исповеди актеров. Но корабль голливудовской легенды даже не вздрагивал от такого торпедирования. Подобный же эффект достигался рассказами о кухонных добродетелях звезд: как они любят своих детей, вершат добрые дела, обедают при свечах с любящим и самым что ни на есть законным супругом, и спокойные, такие семейные лица их освещены пламенем камина в столовой их премилого и не слишком дорогого домика... Эти прелестные картинки не улучшали и не ухудшали привычного голливудовского образа — современного Вавилона, Рима периода упадка, столицы блуда и крупнейшего сумасшедшего дома всего западного мира...

Насилие! Вот один из мифов, которым мы великодушно наделяем Голливуд: не та сила, которая, не дай бог, меняет мир или смещает правительства, а сила, которая ощутимо сворачивает людям челюсти набок; именно этот тип силы нас и восхищает.

Есть еще одна вещь, которой мы охотно дозволяем Голливуду поиграться, — неудачливость. «Что с ним случилось?» — спрашивает один из персонажей романа Бадда Шульберга о знаменитом писателе. Ответ следующий: «Голливуд». Подразумевалось, что Голливуд равнозначен загубленному таланту, гению, купленному, использованному и выброшенному за ненадобностью. Но сколько в таком крушении было обаяния! Нам никак не удавалось, пересказывая сюжет о голливудовской неудачливости, придать своему голосу приличествующий скорбный тон. Голливуд сам по себе служил алиби для всех видов неудач...

Язык, на котором говорили об актрисах и актерах, был языком торжественной мессы. Боги и богини, короли и королевы. Но вспомните детские сказки — монархи приходят и уходят, они царят и умирают. И они непременно прельстительно и недостижимо одиноки. Смерть Мерилин Монро вовсе не оборотная сторона ее успеха. Это естественное завершение ее истории. Закат Джуди Гарланд, пусть мучительный для сердец поклонников, не был ни шоком, ни сюрпризом. Это случилось с актрисой, чья жизнь начиналась волшебной сказкой, на другом конце радуги.

Голливуд — это камуфляж, клоунада, блестящий фасад скучной жизни. Джек Уорнер[1] на заре звукового кино выкинул както из мьюзикла песенку с такими словами: «Я бреду по улице Горя, по бульвару Разбитой Мечты» — песенка была «слишком нервирующей». Теперь таких песенок не боятся. Вот и еще один миф нашел свое место на свалке: Голливуд — это разочарование, тоскливое лицо за оживленной маской, весьма суровая правда, рассказанная фривольным языком веселого дома. Разве это не достижение Голливуда по части производства суперснов! Но ведь и сама свалка снов — тоже сон.

...Голливуд — чемодан с двойным дном. Вспомните обычный экранный образ: целующаяся парочка. Вся рекламная машина киноиндустрии приглашает нас перенести этот поцелуй в личную жизнь актеров, за рамки фильма и границы экрана. Это достигается следующими способами: срочным изготовлением заэкранного романа между звездами с одновременным яростным отрицанием возможности подобного романа. Правда же заключается в том, что сами актеры чаще всего отчаянно ненавидят эти дубль-поцелуи, а система таких намеков нацелена на то, чтобы создать у зрителя ощущение недозволенности поцелуя, как будто ему выдали лицензию на право подглядыванья в замочную скважину.

Система обмана потрясающе сложна, и нет ничего удивительного, что сами обманщики обманываются. Этот самообман хорошо показан в фильме Натаниэля Уэста «День Саранчи». Здесь туалетный столик «выкрашен под некрашеную сосну». Больной старый актер не знает, действительно ли он болен, или только играет больного. «Я теряю сознание», — стонет он и изумляется собственной реакции на слова — он действительно теряет сознание. В конце фильма едущий в автомобиле герой не может понять — исходит ли вой сирены от преследующего его полицейского автомобиля или это он сам передразнивает такой вой. И он нервно ощупывает свой закрытый рот. Уэст будто говорит: «Голливуд настолько упорно имитирует жизнь, что жизнь сама спасается от него бегством».

На этой свалке масса снов, и я лишь начал перечислять их... Так неужто мы уже не пользуемся такими широкими возможностями и в самом деле больше не играем в эту игру? Да, в некоторые из этих игр мы уже не играем. Многим нас теперь не поразишь. Да и большинство наших кинозвезд подались на телевидение, и ярмарка тщеславия располагается теперь здесь — у телевизора легче говорить о парикмахерах и возлюбленных кинозвезд. Но прежнего шарма в таких разговорах, увы, нет — телевизор уж больно домашняя штука. Актеры и актрисы на телеэкране — просто работяги, наследники скоморохов и галерники сцены, а отнюдь не монархи прежних киношных времен. Они не возбуждают более трагического ощущения сказки. Звезды теперь не только смотрят вниз, они спустились на землю.

Эти заметки не тоска по тоске; это всего лишь рассказ о меняющейся погоде, да и не стоит тешить себя мыслью, что все эти привычные сны окончательно покинули нас, зачастую они просто нашли новую свалку: политику, этот непрекращающийся парад вымысла, который так напоминает своими скандальными делишками старый Голливуд. Вся Америка превратилась теперь в гигантскую киностудию, в раскаленном юпитерами воздухе которой носятся деловые вопли всевозможных «импресарио» и «режиссеров». Если уж вам нужны примеры, то в конце концов все мы раз в четыре года поем и пляшем в мьюзикле «Выборы».

Майкл ВУД, американский писатель

Перевела Н. РУДНИЦКАЯ

СНЫ ДЛЯ СОНИ

Мы уже битый час сидим в кафе «Фигаро» на улице Мельроз, что в Лос-Анджелесе. Эдди нужно ехать в город. «Вернусь часа через три, а ты тут пока потолкайся», — сказал он. Оглядевшись, увидел сидевшую неподалеку красивую девушку: «О, гляди-ка, Соня. Поболтай с ней: обогатишь свои знания о жизни».

— Это Соня, а это Виктор, — сказал Эдди и вышел.

— Ты кто? — спросила Соня.

— По правде сказать, я не очень себе это представляю, — ответил я. — Здесь я турист. Поляк, приятель Эдди.

Соня усмехнулась и спросила, не видел ли я «Профессию — репортер» Антониони. Не видел.

— Сейчас модно говорить, что ты не знаешь, кто ты. В этом фильме Джек Никольсон на вопрос девушки отвечает: «Я был кем-то другим, но сменил этого другого на нового». А вслед за этими словами — пламенная любовь.

Сказав это, Соня подала мне через стол руку, и мы стали приятелями. В свою очередь, я ее спросил, кто она.

— Действительно не знаю.

Я рассмеялся. Никто не знал. Никольсон, я, а теперь и Соня.

— Не смейся. По крайней мере, я знаю, кем буду.

— Кем?

— Как это кем?..

Семь лет назад Соню звали Линдой. Ей было девятнадцать, она жила в штате Висконсин на севере страны и готовилась к поступлению в университет. Биология, потом медицина. Направила заявления в несколько университетов, некоторые из них дали согласие ее принять. Впервые она пересекла границы своего штата и через некоторое время оказалась в Лос-Анджелесе.

Тут ей понравилось. Большой город, приятный климат, солнечно. Захотелось пожить тут дня два. Повстречала Фреда. Двадцативосьмилетний, симпатичный. Пошли в кино, а потом ужинать.

«И тут мне Фред сказал, что у меня киновнешность: силуэт, жесты, лицо. Посоветовал остаться в Голливуде. Здесь во мне нуждаются и оценят. Сделают звездой. Он хорошо знает одного ассистента режиссера и завтра же представит ему. Фред читал его сценарий и полагал, что я могла бы в будущей картине сыграть «женщину-ангела».

Купили вина и поехали в мотель, где я жила. Фред говорил о кино, о жизни актеров, об успехах. Большой мир, большая публика. Прямо рукой подать. Большая надежда...

На следующий день утром я пошла в ближайший магазинчик и накупила газет. Ждала Фреда, разглядывала снимки, подходила к зеркалу. Нет, я ни в чем не уступала звездам, которые на фотографиях... Фред не пришел.

Я поехала в Голливуд. Ходила по бульварам, выпила море кофе в барах. Чувствовала обращенные на меня взгляды. Раз уж на меня обращают такое внимание, не может быть, чтобы меня никто не нашел. Обойдусь без помощи Фреда.

Так продолжалось несколько дней. Одно и то же. Взгляды, успех на танцах, знаки внимания. Прямо кино! Не было только киношника, зато была надежда. Не сегодня, так завтра...

И я осела в Голливуде. Как Соня. В этом новом имени было больше шика. Сняла комнату, написала родителям, что буду учиться в Лос-Анджелесе. Поверили. Стали посылать деньги на учение, на комнату, на жизнь. Сначала было хорошо: ходила в кино, гуляла по улицам, расширяла круг знакомых.

[1] *Совладелец студии «Уорнер Бразерс». — Прим. ред.*

Через два месяца познакомилась с режиссером, который взял меня на пробные съемки.

Но потом мне сказали, что на фильм нет денег. Правда, у продюсера остались мои фотографии, и он обещал дать знать, как только найдется подходящая роль...

И я стала ждать.

Родители думали, что я учусь. В письмах домой описывала студенческую жизнь. Однажды предложила своему знакомому снять про это фильм, вот был бы сценарий! Знаешь, что он мне ответил? Слишком надуманно, нереально и вообще лишено смысла.

Через три года мой обман обнаружился. Семья прекратила присылать мне деньги. И я перестала писать домой.

Сначала тратила кое-какие сбережения. Потом устроилась продавщицей. Тяжкий труд, плохонький магазинчик. Кухонная посуда — кинозвезды туда ни ногой. Потом стала официанткой в хорошем ресторане, так что теперь у меня больше шансов. Приходит множество актеров, режиссеров, продюсеров. Может быть, кто-нибудь меня и «откроет»...»

Вторник 8 апреля 1974 года выдался довольно пасмурным. С утра дождь, ветер, холод, который часто бывает в Южной Калифорнии в эту пору. Только для любителей кино погода не помеха. Еще не было пяти, а у входа в «Мьюзик Центр» уже толпились зеваки. Сегодня Большой Праздник кино — вручение наград киноакадемии — «Оскаров».

Прошло уже несколько недель с тех пор, как академия огласила список кандидатов на награду. По пять человек на каждую из двадцати одной категории конкурса. Сегодня будут обнародованы результаты голосования трех тысяч членов академии. Из пяти кандидатур выбирается только один счастливец.

Сто пять деятелей кино прибудут за наградами сами либо пришлют своих представителей. Но лишь двадцать один из них получит бронзовую статуэтку, а остальные восемьдесят четыре выйдут из этих дверей с цветком в руке.

«Это будет большой день Поланского», — твердят газеты: «Чайнатаун» («Китайский город») заявлен кандидатом на одиннадцать «Оскаров». Вторая часть «Крестного отца» Френсиса Форда Копполы на семь, фильм как будто неважно сделан. Начинается большое шоу, в котором ведущие роли попеременно исполняют такие известные актеры, как Боб Хоуп, Ширли Маклейн, Фрэнк Синатра.

Сначала на экране — кинoистория всех «Оскаров» (премию вручают с 1929 года), своего рода история американского кино. Но вот начинается главное: ведущий вызывает лауреатов прежних лет, те берут в руки конверты с именами победителей, и зал благоговейно замолкает; пять сердец бьются сильнее обычного. Зачитывается приговор. Лауреат либо его представитель выходит на сцену, взволнованным голосом произносит несколько слов, сует под мышку статуэтку и возвращается на свое место. Снова концертный номер, и снова приговор. Начало не слишком интересное, поскольку вначале второстепенные награды.

И вдруг взрыв! Награду в области документального кино получили Питер Дэвис и Берт Шнайдер за потрясающий репортаж из Вьетнама «Сердца и умы». У Дэвиса от волнения пропал голос. Зато Шнайдер огласил короткое заявление о том, что война, похоже, скоро кончится, и кончится как дóлжно — победой Вьетнама. Затем он прочитал письмо главе делегации Демократической Республики Вьетнам на переговорах в Париже.

В зале воцарилось молчание. Никогда еще Вьетнам не имел в Америке подобной аудитории— тысячу кинозвезд и 65 миллионов телезрителей. Неожиданно сквозь знаменитые двери «Мьюзик Центра» на знаменитую его сцену вторглась политика.

Этого Боб Хоуп уже не мог вынести. В беседах с приятелями он давно высказывал недоумение, почему американцы не сбрасывают на ДРВ атомную бомбу. А сейчас они тут, у него под боком, эти проклятые коммунисты... Разъяренный, выбежал за кулисы и столкнулся там со столь же разъяренным Синатрой. Тот также не симпатизирует либералам; можно, конечно, послушать и их, но это уж слишком!

«Тут что-то надо сделать! Немедленно. Какая скотина!» — выкрикнул Хоуп. Вместе с руководителем телепрограммы Говардом Кохом решили: Шнайдер заслуживает осуждения. Набросали заявление: «Во имя целей академии подчеркиваем, что не несем ответственности за какие-либо политические выступления в сегодняшней программе и выражаем сожаление, что подобное выступление имело место».

Заявление прочитал Синатра. В ответ — свист и замешательство. Синатра отмежевался от политических выступлений «во имя академии», но ведь она-то, собственно, и присудила награду фильму! Фильму совершенно определенного политического содержания. Итак: первым политическим актом было решение академии, вторым — заявление Шнайдера, третьим — заявление Синатры. Каждый тянет в свою сторону.

Где они, те далекие времена, когда мир был велик, а путь от полей до дворцов казался бесконечным? Мир уменьшился, а политика распространилась повсюду. Как же ей не проникнуть в таком случае и в «Мьюзик Центр»?

Между тем вручаются очередные награды. Победитель забирает все: и внимание публики, и фокус кинокамер. Как человек воспринимает победу, какова его реакция? Это так нетрудно предвидеть. Он может расплакаться, или подскочить в кресле, или стиснуть в объятиях сидящего рядом. Иное дело — реакция побежденного. Одно-единственное движение мускула у него на лице может рассказать нам гораздо больше о человеке, его судьбе, нежели радость победителя.

Но об этом никто в «Мьюзик Центре» не думает. Каждый хочет видеть победителей. Все чаще подскакивает на своем месте Коппола. Вторая часть его «Крестного отца» почти подряд получает трех «Оскаров» — за музыку, за декорации и за сценарий.

Близится финал, а с ним и самые важные награды. Лучшая женская роль второго плана — Ингрид Бергман за «Убийство в восточном экспрессе». Лучшая мужская роль второго плана — Роберт де Ниро, еще раз «Крестный отец».

Коппола уже четыре раза подскочил в кресле. Поланский лишь только один раз улыбнулся — когда Роберт Таун получил «Оскара» за оригинальный сценарий к его «Китайскому городу».

Еще четыре награды. За лучшую женскую роль — Эллен Берстен в фильме «Алиса здесь больше не живет». Теперь будет «Оскар» для «Китайского города». Лучшей мужской ролью может быть лишь работа Джека Никольсона в фильме Поланского. Так везде писали. И вот вскрыт конверт: Арт Керни за фильм «Харри и Тонто».

Замешательство.

Теперь награда за режиссуру — снова Коппола. И наконец, за лучший фильм года. Может быть, наконец, Поланский? Нет. И эту награду получает «Крестный отец. Часть II». Коппола забрал все, что только мог забрать.

Шоу заканчивается.

Виктор ОСЯТИНСКИ, польский журналист
Перевел В. ДУБИНСКИЙ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Всего два года прошло с той церемонии «Оскара», которую описал в своем очерке Виктор Осятински. И вот новая церемония, вручается «Оскар-76». Как разительно переменилась картина! Конечно, фильмы, которым присуждали награды, также начали меняться, и уже довольно давно. Да и политика на уютную сцену «Мьюзик Центра» уже вторгалась: скандал разразился, например, в 1970 году, когда Джейн Фонда отказалась от премии, врученной ей за работу в фильме «Клют», в знак протеста против войны во Вьетнаме. И от этого победа ее стала еще более ценной.

Но теперь изменилась и сама церемония. То, что увидел корреспондент журнала «Тайм» Роберт Хьюз, похоже, даже бедную и тоскующую о славе Соню отвратило бы от соблазнов и кинонадежд. Впрочем, с Соней, может, этого и не случилось бы: Голливуд — мастер изобретать и продавать новые мифы с нагрузкой в виде новых снов — для зрителей и тех, кого манят миражи.

«Для человека, впервые попавшего на церемонию награждения «Оскаром», все происходящее напоминает бред безумца. Торжественный ритуал прежних лет предстает сейчас, в году 1976-м, в виде жалкой пародии на субботнюю развлекательную телепрограмму. В прежние дни (все помнят это по киножурналу) звезды предпочитали появляться, как это им и полагается, по вечерам. Открывались дверцы черных лимузинов, и звезды переливались бриллиантами в магниевых вспышках, а серебристые пальцы прожекторов нервно ощупывали темное лос-анджелесское небо.

Теперь — для того, чтобы прямую трансляцию могли увидеть жители Восточного побережья, — начало назначено на семь часов (на Востоке в это время десять). Появление звезд при свете дня не более романтично, чем съезд на провинциальный школьный бал.

Как только прибывал очередной лимузин, толпа у входа — разве сравнишь ее с прежней толпой! — издавала глубокий вздох. Но вздохи эти не были вздохами разочарования или обожания — прибывающие пары были, как правило, неизвестны широкой публике. Когда Элизабет Тэйлор, пожалуй, последняя из могикан старой звездной системы, для которых и была придумана церемония «Оскара», появилась на ступеньках, это выглядело как вхождение старинного крутобедрого галеона в речку, усеянную прогулочными лодочками.

Внутри, в зале, ощущение бестолковщины всего происходящего еще сильнее. С балкона многого не увидишь, актеры на задрапированной черным сцене чересчур далеки, и зрители уставили свои театральные бинокли (залог у гардеробщика 25 долларов или водительские права — эти калифорнийцы деловые ребята) в расставленные между рядами огромные телеэкраны. В каком еще конце земного шара потратят столько денег на такси, парикмахеров, туалеты и билеты для того, чтобы сквозь бинокль глазеть в телевизор?

Маржо Хемингуэй (внучка писателя, манекенщица), похожая в своем красно-белом полосатом платье на мятную карамельку, запинаясь, зачитывает имена победителей; ее партнер, уверенный, что всех мужчин, присутствующих в зале, счет сегодняшнего баскетбольного матча интересует куда больше, чем вся эта болтовня, перебивает карамелькино «Победил...» своим «Индиана—86, Мичиган—68».

И все же главный приз вручен фильму стоящему — «Кто-то пролетел над гнездом кукушки». Это для многих очень неприятный фильм — о вранье и о том, что с ним пора кончать. И посему суета, происходящая на сцене, выглядит еще более жалко».

Итак, времена меняются, меняется и отношение к переменам, и Голливуду, пусть невольно, но приходится учитывать это. Только Время Перемен — это не минута и даже не год, это — всегда. Голливуд не однажды переживал крушение собственных мифов; однако всегда и оперативно он создавал мифы новые. Вспомните слова из «Нью-Йорк таймс мэгэзин», приведенные в начале подборки, — «царящий антигерой». В них, пожалуй, ключ к Голливуду и ко всей американской массовой культуре вообще: время героев ушло, пришли антигерои, но ведь и из них можно сделать кумиров, и на них можно создать моду. — и тогда кого испугает их «анти»? «Король умер, да здравствует король!»

Сам Никольсон это почувствовал — почувствовал, что болото затягивает. В послеоскаровских интервью он сказал, что, наверное, сниматься больше не будет. Не потому, что победитель, потому, что — побежден. Потому что машина по имени Голливуд оказалась сильнее. Хотя, кто знает, кино — его работа. Может, будет снимать сам. Да и то не уверен. Время покажет.

«ЗЕЛЕНЫЙ МИР» ДЛЯ БЕЛЬКОВ

За шкуру белька — новорожденного тюленя — дают 25 долларов. Много это или мало? Какая разница, если для самого существования тюленей на земле цена эта — убийственна.

В 30-х годах канадцы забивали по 200 тысяч зверьков в год (на старом снимке из «Нэшнл джиогрэфик», США, вы видите отряд этих «отважных охотников»). В наше время стадо канадских тюленей, предназначенных для добычи, составляет 126 тысяч бельков.

Защита природы — не пустые, лишенные какого-либо действия, слова. Наоборот, зачастую эта защита требует не только добрых чувств к природе, но и мужества. Именно это качество потребовалось от экспедиции «Зеленый мир», которую возглавил американец Боб Хантер. Попытки разъяснить добытчикам шкурок роковую опасность тотального уничтожения тюленей ни к чему не привели. Немного дали и попытки преградить путь промысловым ледоколам — члены экспедиции выстраивались живой стеной перед носом корабля. И все же экспедиция «Зеленый мир», проводящаяся под эгидой ООН (ее вы видите на фото из «Пари-матч», Франция), не сдается. В парламентах, судах и на льду арктической Атлантики она продолжает свою работу.

СКУЧНАЯ ДОЛЯ СУПЕРМЕНА

«Будете ли вы хмуриться, качая головой, или хохотать над выходками актера, игра его все равно захватит вас» — так начинается рецензия в журнале «Тайм» на новую роль американского актера Марлона Брандо в фильме «Счастливые шансы на Миссури». Поставил его Артур Пенн, знакомый советским зрителям по фильмам «Погоня» (с тем же Брандо в главной роли) и «Маленький большой человек». В этом фильме Марлон Брандо предстает перед зрителями то в ковбойском наряде, то вот в такой прабабушкиной шляпке и клетчатом фартучке. Все эти переодевания нужны, чтобы обмануть бандитов, угоняющих скот у богатого хозяина, которому служит герой Брандо.

«В этом фильме я пародирую самого себя, — сказал актер, — привычного бесстрашного красавца, благор-р-родного разбойника. Осточертел мне этот образ до предела, а у Пенна можно позволить себе посмеяться над собой и над теми дурачками, что ждут от меня суперменства. До чего же скучно все это...»

ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ВЕКА

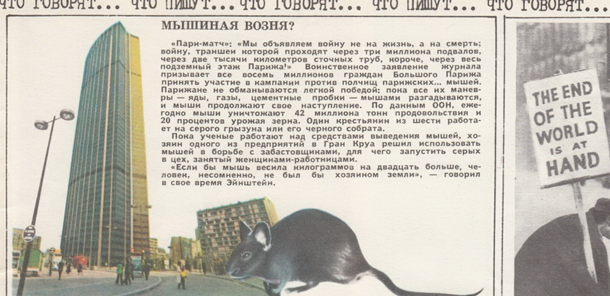
Когда 14 ноября 1975 года Сабино Джованнони спустился в глубокий подвал флорентийской церкви Капеллы Медичи, он, разумеется, не предполагал, что здесь его ждет великое открытие. Подвал, находящийся под сводами церкви, долгое время служил угольным складом; когда отопление заменили электрическим, его расчистили и так, на всякий случай, решили проверить — не оставило ли прошлое каких-либо следов.

Уже третья зачистка стены реставратором дала неожиданные, поразительные результаты: из-под слоев штукатурки показалась фигура женщины. То был один из 56 рисунков, авторство которых единодушно приписывается Микеланджело Буонарроти.

...Шли последние месяцы 1529 года. Два года прошло с тех пор, как жители Флоренции изгнали из города правителей Медичи и восстановили республику. На помощь Медичи испанский король Карл V направил войска, занявшие холмы вокруг Флоренции. В августе 1530 года город пал.

В списке разыскиваемых, составленном завоевателями, значилась и фамилия Буонарроти, руководившего фортификационными работами. Тогда-то Микеланджело и укрывается в подвале церкви. С августа по ноябрь просидел художник в укрытии, расписав за это время стены подвала. Должно было пройти 445 лет прежде, чем мир увидел эти рисунки.

МЫШИНАЯ ВОЗНЯ?

«Пари-матч»: «Мы объявляем войну не на жизнь, а на смерть; войну, траншеи которой проходят через три миллиона подвалов, через две тысячи километров сточных труб, короче, через весь подземный этаж Парижа!» Воинственное заявление журнала призывает все восемь миллионов граждан Большого Парижа принять участие в кампании против полчищ парижских... мышей. Парижане не обманываются легкой победой: пока все их маневры — яды, газы, цементные пробки — мышами разгадываются, и мыши продолжают свое наступление. По данным ООН, ежегодно мыши уничтожают 42 миллиона тонн продовольствия и 20 процентов урожая зерна. Один крестьянин из шести работает на серого грызуна или его черного собрата.

Пока ученые работают над средствами выведения мышей, хозяин одного из предприятий в Гран Круа решил использовать мышей в борьбе с забастовщиками, для чего запустить серых в цех, занятый женщинами-работницами.

«Если бы мышь весила килограммов на двадцать больше, человек, несомненно, не был бы хозяином земли», — говорил в свое время Эйнштейн.

«БЛИЗИТСЯ КОНЕЦ СВЕТА»

С таким плакатом бродит по улицам Лондона двадцатилетний Стивен Хопкинс. На расспросы прохожих он охотно отвечает, что мир провалится в тартарары в самом ближайшем будущем. Точной даты, правда, пока не называет, но советует всем поскорее принять меры и прежде всего освободиться от денег, потому как к чему они будут, когда ничего не будет? Вот адрес, где это можно сделать, — и Хопкинс дает адрес: в магазинчике, где торгует его брат. В ответ на бестактные покручивания пальцем у виска, которые позволяют прохожие, Хопкинс приводит статистику инфляции и прочих бед. И тут уж ему никто не может возразить.

Репортер еженедельника «Уикенд» запечатлел Хопкинса в момент, когда тот, закончив работу, внимательно изучал расписание последних автобусов. Последних перед концом света.

ОДНИМ ГЛАДИАТОРОМ МЕНЬШЕ?

«В Америке все есть, — сказал американский менеджер Джерри Перенчио, рекламируя полуфинал на звание чемпиона мира среди боксеров-профессионалов. — Есть даже Колизей — в пригороде Нью-Йорка. Так почему не быть и гладиаторам?» Сказав так, Перенчио отряхнул пыль с гладиаторских доспехов, занятых на киностудии, нарядил в них участников матча, тяжеловесов Джо Фрезера и Джорджа Формена, и заставил их продефилировать в таком виде перед зрителями и фотокорреспондентами. Бой, конечно, велся в боксерских доспехах и кончился он не совсем по-гладиаторски — всего лишь нокдауном Фрезера в пятом раунде, после которого стоять самостоятельно Фрезер уже не мог. Публика дружно опустила большие пальцы вниз. Так все ли есть в Америке? Или там одним гладиатором стало меньше?

ВЫ СПРАШИВАЛИ

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?

Первый диск английского ансамбля «Урия Гип» появился в 1970 году. Они тогда публику поразили, правда, не столько музыкой, хотя она довольно интересна: сочетание стройного многоголосного пения, напоминающего старинные хоралы, и «хард-роковой» инструментовки, — а своим названием. «Урия Гип» — имя злодея из романа Диккенса «Давид Копперфильд». Но в выборе названия музыканты следовали лишь моде — всякие страсти-мордасти были тогда весьма популярны. Естественно, критика ждала и «страшенных» песен; но критиков группа разочаровала — тексты ее песен оказались вполне пристойны. Этот разнобой настолько возмутил критиков, что они прозвали музыку ансамбля «тяжелой опереттой» и, несмотря на популярность группы, особенно дисков «Солсбери» и «Посмотри на себя», не допускают ее на высшие места в «таблицах популярности». «Оправдалась» группа во мнении падких на сенсации журналистов лишь раз — когда на одном концерте бас-гитариста Гарри Тейна сильно ударило током. Доброхоты советовали руководителю Кену Хенсли не дразнить гусей, сменить название, но он не соглашается. «Конечно, сглупили вначале, но теперь название — дело принципа. И потом — публика-то нас любит и под таким именем».

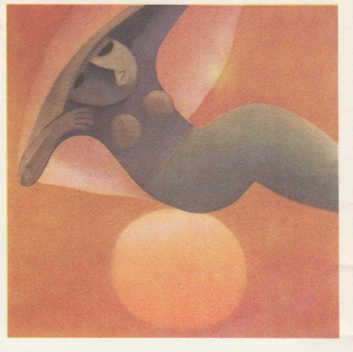
Сейчас у группы уже девять дисков, и состав ее выглядит так: органист Кен Хенсли, вокалист Давид Байрон, лидер-гитарист Мик Бокс, бас-гитарист Джон Уэттон и ударник Ли Керслейк.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Путешествие длиною в 4800 километров проделали энтузиасты-мореплаватели с Гавайских островов. По древним рисункам они воссоздали каноэ, на котором согласно легенде 800 лет назад на Гавайи прибыли жители острова Таити. И вот восемь веков спустя «Хокуле» — «Звезда радости» (так называется судно) — повторило плавание первых поселенцев. «Мы проверили легенду, проверили себя», — сказал капитан команды в 17 человек Аллен Балангитао. Его вы видите на снимке.

Юрий САВЕНКОВ,
соб. корр. АПН — для «Ровесника»

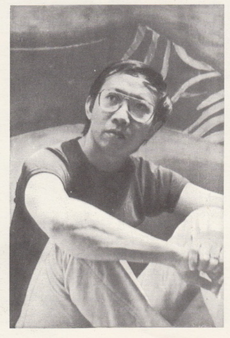
ПОСЛАНИЕ КО СУЙ ХО

Приглушенные краски предзакатных минут в переулке, что спрятался от шума магистралей на юго-западе Сингапура. Щемящая музыка, доносящаяся откуда-то сверху — то ли из оранжевого окна соседнего дома, то ли из кафе «Пегас» на углу.

Это был даже и не переулок, а тупичок, хоть и назывался он громко — «Александра-авеню». Старый башмачник пристроился на крошечном плетеном стульчике под сенью огромного баньяна. Часть нижних этажей занимали склады с массивными металлическими решетками и непременным «Lucky store» — «Счастливого хранения!». Напротив прачечной «Синг Синг» стояли щиты, на них сушились ткани невероятных оттенков и переливов. Вывеска агентства братьев Ли, занимающегося продажей недвижимости. Десятки других вывесок компаний, мастерских. Словом, все было на своих местах в этом тупичке, казалось, ничем не отличавшемся от тысяч таких же в Сингапуре. Среди пестрой суеты улицы внимание останавливала белая кирпичная стена, на которой красовалась эмблема «L». Под ней надпись — «Альфа Галерея».

Застенчивая девушка в оливковом платье встретила нас у входа и провела в зал; свет лился через стекло потолка. Картины, которые мы там увидели, были столь выразительны, что мы невольно забыли о сутолоке большого и шумного города и погрузились в атмосферу летнего вечера на морском берегу, когда перед закатом в воздухе разливается густая и благоуханная синева. В этом синем мире дули ветры, вы чувствовали их прохладу и слышали их голоса. Где-то вдали гремели громы, вода переливалась всеми цветами радуги. А вот другое небо — небо раннего утра, по нему плывут мягкие, чистые облака.

Постепенно, когда глаз начал привыкать к небесному, синему, оказалось, что мир этот населяют милые существа с круглыми лицами. Вы как будто встречали их: быть может, они жили в восточных сказках, что вы когда-то любили, но потом, с годами, сказки стерлись из памяти и теперь вдруг вернулись. Герои их трогали своей искренностью, своей беззащитностью, они жили на полотнах счастливой жизнью, а когда попадали в беду, то взывали о помощи, обращая взоры к Луне и вздымая руки над водой. В них была мудрость добрых гномов. И она была нам небезразлична, как небезразличными становятся для нас новые друзья, входящие в нашу жизнь. Впрочем, почему новые? Это вернулись все те же старые друзья, из страны детства.

Мальчик из Кампонга

Имя художника Ко Суй Хо намекает на близость к воде — в переводе с китайского «Суй Хо» значит «Яшмовая река». Он родился в маленьком городке в малайзийском штате Кедах, неподалеку от границы с Таиландом. Отец, выходец из Южного Китая, занимался портняжным делом и, как все отцы, желал сыну работы получше, «работы под опахалом», как с долей иронии назовет эту мечту сын, имея в виду более высокую ступеньку на социальной лестнице (в жарком Сингапуре опахало воспринимается как некий символ устроенности, комфорта и богатства).

Ко Суй Хо закончил среднюю школу в Пенанге и, вернувшись в родной Кедах, стал учителем. Но, проработав некоторое время в начальной школе, он решил отправиться в Сингапур — испытать судьбу в большом городе. Здесь Ко устроился рабочим на стройку. А вечерами, после работы, рисовал, искал встреч и встречался с молодыми художниками.

Конец пятидесятых годов, переходная пора в судьбе бывшей английской колонии. Классический колониализм был уже на исходе. Появилось правительство внутреннего самоуправления, правда, еще с ограниченной самостоятельностью, но народ продолжал решительную борьбу за независимость. В эту переходную пору в Сингапуре расцветало искусство, особенно живопись. То была вспышка, яркая, как дерево «пожар леса», щедро обрызганное огненными цветами. Как дерево это с широкой вольной кроной — непременная часть сингапурского ландшафта, так и живопись молодых становилась неотъемлемой частью меняю-

щейся сингапурской жизни. Сингапур начинался как порт, центр реэкспортной торговли, всемирный рынок, большая перевалочная база. И общество здесь складывалось сугубо коммерческое. Британские власти и не помышляли о том, что тут может возникнуть свое искусство. Искусство торговцев, искусство купцов?.. И вот, на закате колониализма, эта вспышка...

Ко Суй Хо понял свой путь — живопись. В 1959 году он был принят в незадолго до этого открытую Наньянскую академию изящных искусств.

Впоследствии Ко Суй Хо так комментировал свои ранние композиции, которые некоторые критики называли дерзкими, эксцентричными: «Мои картины — это память, воспоминания о детстве, местах, где я, мальчик из кампонга, жил («кампонг» — это малайская деревня на сваях. — *Ред.*). Я люблю облака, потому что они бесконечны, они были тысячу лет назад и будут такими через тысячу лет».

Картины Ко Суй Хо — это встреча с природой, с лесом, каучуковыми плантациями, заболоченными мангровыми зарослями. «Двое у озера», «Игра воды», «Свадьба под деревьями», «Сиеста у голубых холмов». И невозможно не ответить искренностью на их искренность.

Эпизод из детства: мальчик убегает вечером на речную заводь... Мальчик бредет по воде, среди трав и камышей, среди рыб, снующих вокруг, птиц, пролетающих в вышине, и долго-долго стоит и глядит в широкое небо... «Поймите этот порыв мальчика, и вы почувствуете искусство Ко Суй Хо», — писал Остин Коатс, известный знаток искусства Востока.

Вот картина «Верховой ветер». Девушка на вершине холма, облака вокруг. Ветер струится в ее волосах. В руке цветок. Это плюмерия, пять белых лепестков с желтым запеченным солнцем в середине.

Другая картина — «Сумерки». Синие горы. Оранжевое солнце садится, где-то внизу окна, озаренные последними каплями уходящего солнца, и фигурки (да, это они, те самые добрые существа!), пролетающие в синеве.

Все это не просто память о холмах и ветре его детства. Это выражение сокровенного желания людей подняться в небо. Это осознание себя частью мироздания.

С того дня как впервые картины Ко Суй Хо экспонировались на выставке в Сингапурской национальной библиотеке, прошло почти полтора десятка лет. Художник участвовал во многих выставках и салонах Сингапура, Куала-Лумпура, Пенанга, Бангкока, Токио, Дели, Лондона, Австралии, Бразилии, США. Более 40 выставок, индивидуальных и совместных.

Международное признание художника имело особое значение: Ко Суй Хо принимал его не столько на свой счет, сколько на счет зарождающегося национального искусства молодой республики. До недавнего времени о сингапурской живописи всерьез не говорили, если вообще, конечно, говорили. Искусствоведы привычно рассматривали Сингапур как своего рода заповедник, где сосуществовали традиционные искусства Востока — китайское, индонезийское, индийское, малайское. Иммигранты из десятков стран приезжали сюда в поисках работы. И потому нигде в Азии не найти такого смешения различных народностей, как в Сингапуре. Смешения, которое не стало единством. С одной стороны, можно понять стремление местных национальных общин сохранить свой язык, национальные традиции, ремесла. Короче, сохранить свою индивидуальность и память о родине, где многие не были никогда в жизни. С другой стороны, надо учитывать и традиционную политику английских правителей, которые, будучи верными своему колониалистскому принципу «разделяй и властвуй», всячески препятствовали сближению таких общин.

С образованием республики сингапурцы стали шире и свободнее общаться друг с другом; начал быстро развиваться процесс взаимного влияния и обогащения различных культур. Правительство Республики Сингапур, с уважением относясь к культуре отдельных общин, принимало меры и для создания общей национальной культуры. С этой целью в стране были открыты так называемые фестивали, в которых принимают участие тысячи школьников. Юные музыканты, артисты, художники, показывая свои работы, естественно, обмениваются впечатлениями, беседуют, спорят об искусстве. Они учатся на произведениях признанных мастеров, таких, в частности, как Ко Суй Хо. Сам Ко очень скромен. «Я чувствую, что многому должен научиться. Искусство требует совершенствования», — сказал он мне при встрече.

Внутренний баланс

— С чего, как мне кажется, начинается живопись? С внутреннего баланса. Когда он есть, посторонние раздражители на меня не действуют. Я их просто не замечаю и живу в мире, который рождается на холсте. Если есть баланс внутри, могу писать где угодно. Мне ни к чему большая студия. Нужен лишь холст. Главное — знать, что пишешь.

Я вспомнил, как один мой знакомый рассказал однажды о встрече с Александром Твардовским, которому он принес свою рукопись. Что-то не удовлетворяло в ней автора, была в рукописи некоторая растрепанность, что ли, неуравновешенность. Чего-то в ней не хватало. «Спокойствия, когда писали, — сказал Твардовский. — Вы должны быть абсолютно спокойны, когда садитесь писать. Будьте спокойны, тогда сумеете передать то волнение, которое владело вами и побудило написать о пережитом».

Внутренний баланс. Равновесие. Спокойное владение собой. А ведь об одном и том же говорили Твардовский и Ко Суй Хо.

— Вы как-то сказали, что ваша живопись — это память о детстве.

— Детство неисчерпаемо, — просто ответил Ко и замолчал.

Этой фразой действительно многое сказано. Помните, у Льва Толстого: «От пятилетнего ребенка до меня только шаг. От новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние».

Мы медленно шли по галерее, стояли у картин. То была выставка работ последних десяти лет. Облакам, воде, ветру и своей земле художник остался верен, но появилась и новая — лунная, космическая — тема: «Близнецы и Луна», «Встреча в космосе».

Мне же больше всего понравилась картина «Попутчики». Он и она бредут неуверенно: что впереди? Они случайные спутники. Может быть, пока случайные, может быть, такими и останутся.

— Знаете, бывают такие фотографии — детей ли, взрослых, — комментирует художник, — они случайно оказались вместе, или их быстро собрали, раз-два-три, снимок готов, а они, может быть, больше и не увидят друг друга.

Рядом с «Попутчиками» картина «Девочка и ящерица». Девочка держит в руке чечака, маленькую розоватую ящерицу, без которой невозможно представить вечера в тропиках. Когда становится так тихо, что кажется, все звуки уснули до утра, слышится вдруг скрипучая мелодия: «чак, чак, чи, чак...» И маленькие существа начинают свои настенные игры. То они ловят друг дружку, смешно виляя хвостиками, то стремительным броском настигают муху, то вдруг замирают, грациозно откинув хвост, и смотрят на вас круглыми печальными глазами.

— Вы, может, слышали, — говорит Ко, — что китайцы, живущие в этих широтах, жители южных морей, называют чечаков «бихý» — «настенными тиграми»? А ведь это действительно тигр для мошек, населяющих стены дома.

Людей в галерее прибавилось, и отвлекать художника уже было неловко.

— Если вам интересно, побывайте в доме моего друга, архитектора Лима. У него самая большая коллекция моих картин. Пасир Паджанг — по-малайски «длинный песчаный берег». Дом номер 291, сразу за синим столбом с отметкой «10 км». Огромная пальма бросает на него щедрую тень. Во дворике — выложенная ракушками дорожка и пурпурные цветы, похожие на стручки красного перца.

Вы входите в дом и видите холсты, и все, что на них, кажется вам продолжением этого дворика. Облака над кокосовыми пальмами, дерево, тянущееся к солнцу, и дети, купающиеся в его лучах. Здесь произведения Ко воспринимались еще натуральнее, чем в галерее «Альфа», но от этого они не переставали казаться чудом. Дом был открыт ветру, его можно было пройти насквозь и выйти в другой дворик, а еще дальше — море. Когда-то оно было рядом, у порога. Теперь, отдаленное наращенным ярко-коричневым берегом, море таяло в мареве. Вдали, в бликах солнца, струился черный парус. Там парус в бликах солнца, здесь, на холсте, дети, купающиеся в солнечных лучах. В доме среди картин летал голубь, живой голубь. Будто хотел присоединиться к птицам на холстах. Может, к той, что на коленях у девушки, с картины «Девушка — гибискус». Есть такой цветок гибискус: Красный, ажурный и радостный. Малайцы называют его «бунга райя» — «великий цветок».

Я вспомнил рассуждения Ко Суй Хо о том, как художник подходит к окружающему его миру.

— У художника, — говорил он, — по-моему, два подхода. Один профессиональный, и в этом смысле меня все больше и больше интересуют две вещи — линия и круг. Вы спрашиваете почему. Да потому, что с них все начиналось. И живопись, кстати, тоже. Возьмите, к примеру, образцы первобытной живописи... Но повторяю — это интерес чисто профессиональный. Главное — прочтет ли зритель мое послание. Ведь надо, совершенно необходимо, чтобы послание это дошло до сердца. Наверное, это и есть назначение художника на нашей земле.

Сингапур

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление М. М. Ракитнина
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19/VII 1976 г. Подп. к печ. 25/VIII 1976 г. А05000. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1311.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

МАЛЕМБЕ

СЛОВА И МУЗЫКА «КИЛАПАЮНА»
РУССКИЙ ТЕКСТ Л. ВОРОПАЕВОЙ
АРАНЖИРОВКА А. МАРЧЕНКО

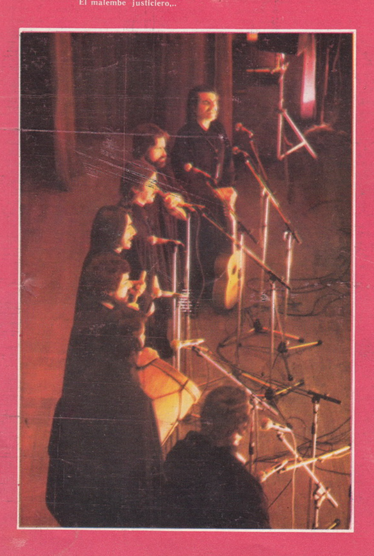
Эта песня, написанная в традициях старинных индейских заклинаний, стала одной из самых популярных в репертуаре чилийского ансамбля «Килапаюн». Интервью нашего корреспондента с участниками ансамбля читайте на стр. 13.

Aquí traigo mi malembe
Para darle duro y fuerte.
Aestos cuatro generales
Que han sembrado tanta muerte.

Para resolver, ay malembe, malembe.
Para los traidores, ahí le traigo malembe.
Para los fascistas, ay malembe, ay malembe.
Para los gorilas, ay malembe, malembe.

El malembe, cosa buena, para el justo y el honrado.
Pero es malo y pernicioso para todos los malvados.
El malembe es cosa buena para el justo y el honrado,
Pero es malo y pernicioso para todos los malvados.

El malembe, justiciero, es los trabajadores,
No habrá momio que se escape
Cuando caigan los traidores.
El malembe justiciero,..

Пусть слова заклинанья
Сметут, уничтожат
Тех, кто сеет страданья
В родимом краю.

Заклинаю: малембе!
О, малембе, малембе!

Чили предавшим — проклятье, малембе!
Совесть продавшим — проклятье, малембе!
Горе фашистам! Малембе, малембе!
Я заклинаю. малембе!

Пусть слова заклинанья
Повторяют со мною
Те, кто терпит страданья
В родимом краю.

Да обрушатся беды
На врагов и тиранов!
Неизбежность победы
В заклятье моем.

Проклинаю: малембе!
Будет плохо — малембе,
Тем, кто сеет страданья
В родимом краю.

Индекс 70781
Цена 20 коп.